

Отъ автора: Ввиду того, что записи князя Петра сдѣланы въ традиціонной русской орѳографіи, авторъ нашѣль сугубое удовольствіе въ томъ, чтобы привести весь текстъ къ нормамъ исконнаго русскаго правописанія.

Олегу и Надеждѣ Губановымъ

КНИГА ПЕРВАЯ

Вѣнокъ неудачнику

Прологъ

Въ одномъ изъ старинныхъ княжескихъ дворцовъ Петрограда, чѣмъ имя лѣтъ пятнадцать назадъ переименовано лукавымъ градоначальникомъ изъ «Ленинграда» въ Санктъ-Петербургъ опять, шѣль съѣздъ Дворянскаго собранія.

Гдѣ-то въ двадцатыхъ рядахъ параднаго зала сидѣль молодежавый господинъ, на видъ не старше сорока пяти лѣтъ, и нетерпѣливо тербилъ свои пальцы. Онъ ждалъ, когда его записка, отправленная въ президіумъ, возымѣеть эффектъ – и ему предоставятъ слово. Это былъ князь Рославлевъ, бывшій житель Бирмингема, потомъ Лондона, а теперь петроградецъ... тѣфу, петербуржець. Ему хотѣлось высказаться передъ болѣе широкой аудиторіей, чѣмъ узкій кругъ обѣденнаго застолья.

Наконецъ ему предоставили слово, и онъ торопливо, молодо поспѣшилъ къ трибунѣ. «Борзой!» – мечтательно сказала ему въ спину какая-то старуха.

– Господа! – звонкимъ голосомъ воззвалъ Рославлевъ. – Буду кратокъ. Я лишь недавно поселился въ Россіи, поэтому...

– Это ничего, князь! – ободрительно сказалъ въ свой микрофонъ предсѣдатель. – Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Рославлевъ подавилъ досадливую гримасу и поклонился предсѣдателю.

– ...поэтому мой вопрос к вам может показаться запоздалым. Итак, имеем ли мы право пренебрегать высочайшим повелением Государя Николая Александровича и впредь именовать наш город не по-русски – не Петроградом, как начали в 1914-м году?..

На мгновение воцарилась тишина, а затѣм – всё зашевелились, зашумелись...

– Так царь-то вѣдь отрѣкся!.. – прозвучалъ изъ президіума вальяжный голосъ молодцеватаго и знаменитаго мецената.

– Отъ высочайшихъ повелѣній онъ не отрекался! – возразилъ меценату князь.

Предсѣдатель откашлялся.

– Полагаю, что это вопросъ не къ намъ, а къ властямъ предержажимъ, – сказала онъ, пожавъ плечами.

– Смѣю всё же адресовать этотъ мой вопросъ достопочтенному собранію, господа! Мнѣ это кажется вопросомъ нашей совѣсти. Кстати, многіе русскіе поэты писали «Петроградъ» задолго до 14-го года... Благодарю за вниманіе!

Князь Рославлевъ кивнулъ, какъ бы кланяясь, и спустился было со сцѣны, но замѣчаніе предсѣдателя заставило его вернуться къ трибунѣ: предсѣдатель выразилъ удивленіе, что прожившій столь долго въ Англіи князь обращается только къ мужчинамъ.

– Въ залѣ также и дамы, князь! – укорилъ онъ Рославлева.

– Въ Англіи, это правда, господинъ предсѣдатель, – какъ и во Франціи, Америкѣ и такъ далѣе, – говорятъ «дамы и господа». Или – ещё говорятъ, пока полностью не отмѣнили половое неравенство!.. – князь повѣлъ глазами по рядамъ, не скрывая саркастической усмѣшки. Но въ нашемъ отечествѣ, въ обращеніи въ свѣтъ, такъ не говорилось. Не было у насъ раздѣленія по этому признаку. Благоволите, господа, обратиться хоть къ русской классикѣ. Спасибо!

По залу пробѣжалъ ропотъ, любопытные взоры женщинъ провожали идущаго къ своему креслу князя.

Послѣ этой выходки князя предсѣдатель попросилъ комментаріевъ отъ учёнаго эрудита барона Барметова.

– Любезный баронъ, Аполлонъ Моиссеевичъ, что вы скажете по этому поводу?

– Благодарю васъ, графъ...

Эрудитъ высказался примирительно – въ томъ смыслѣ, что Петроградъ и Санктъ-Петербургъ не противорѣчатъ другъ другу: это, молъ, дѣло эстетическихъ предпочтеній. Петроградъ лежитъ въ руслѣ православной традиціи, зато Санктъ-Петербургъ взываетъ къ нашимъ прогрессивнымъ устремленіямъ... Но это одно и то же имя, это не принципиально. Да царю и не было нужды объявлять своё повелѣніе. Какъ здѣсь уже отмѣтили, никому и прежде не возбранялось произносить или писать «Петроградъ»... А что касается обращенія «дамы и господа», то я лично не могу не замѣчать прекрасныхъ дамъ и привычки свои мѣнять не собираюсь.

Дамы стали радостно рукоплескать.

Предсѣдательствующій предложилъ собранію перейти въ банкетный залъ, съ тѣмъ чтобы продолжить обмѣнъ спичами въ болѣе тёплой обстановкѣ.

Князь Рославлевъ направился было къ выходу, когда его остановилъ чей-то голосъ:

– Вы уходите, князь?

Широкоплечій и коренастый незнакомецъ стоялъ передъ нимъ.

– Позвольте представиться: Дмитрій Михайловичъ Красовъ, доцентъ университета, факультетъ философіи.

И онъ съ поклономъ протянулъ свою карточку. Рославлевъ поклонился и взялъ её.

– Рославлевъ, Пётръ Николаевичъ. Чѣмъ могу служить?

– Хочу заявить вамъ о своей солидарности. Меня тоже коробила та безцеремонность, съ какой формулировалъ вопросъ къ референдуму незабвенный мэръ-буревѣстникъ демократіи.

Рославлевъ улыбнулся и приложилъ палецъ къ губамъ:

– Тс!.. Здѣсь не всѣмъ это можетъ понравиться... (Онъ взглянулъ на карточку.) ...Дмитрій Михайлович! Вы остаётесь на обѣдъ?

– Нѣтъ. Вашъ примѣръ заразителенъ! Но это шутка. Я же не по праву здѣсь, это меня коллега подбилъ... Ему на банкетѣ свои дѣла обдѣлывать, а мнѣ что тутъ дѣлать?

Вдвоёмъ они отправились въ гардеробъ.

– А вы думаете, Дмитрій Михайловичъ, что всё эти... – князь повѣлъ головой по кругу, – здѣсь по праву? Смѣю увѣрить, далеко не всё.

Красовъ съ пониманіемъ кивнулъ въ отвѣтъ.

Выйдя на осѣнній вѣтеръ, дувшій вдоль набережной, они одновременно пригласили другъ друга на чашку чая, что вызвало дружелюбный смѣхъ у обоихъ.

– Во «Владимірскомъ Пассаждѣ»? – предложилъ Красовъ.

– Вамъ лучше знать, вы – старожилъ, сравнительно со мной, Дмитрій Михайлович!..

И они повернули къ Владимірской площади, до которой было минутъ десять ходу.

– Если бы мой коллега, приведшій меня въ собраніе, меня не бросилъ на произволъ судьбы, я бы к вамъ не подошёлъ и мы бы не познакомились, – говорилъ по дорогѣ Красовъ, заглядывая сбоку и немного снизу въ лицо князю.

– Что же онъ такой невѣрный товарищъ? – съ вежливымъ равнодушіемъ спросилъ князь.

– О, да всё они такіе!

– Кто они всё?

– Ну... скажемъ такъ: современные философы!

– Вотъ оно какъ! Но вы-то не философъ развѣ?

– Я? – простодушно переспросилъ Красовъ. – Нѣтъ, нѣтъ, я – другой! Мы братья только по диплому!

Рославлевъ уже начиналъ сомнѣваться, выйдетъ ли что-то путное изъ новаго знакомства. Съ другой стороны, онъ ещё не былъ настолько богатъ знакомствами въ Петроградѣ, чтобы отклонять приглашеніе къ разговору за чашкой чая. Да и что-то вѣдь свело ихъ обоихъ – будемъ надѣяться, что встрѣчъ случайныхъ не бываетъ!..

Словно отвѣчая мыслямъ Рославлева, Красовъ сказалъ, что у него было предчувствіе какой-то неожиданности, должной произойти съ нимъ сегодня.

Рославлевъ вспомнилъ сіяющій взглядъ Красова, когда тотъ подошёлъ представиться, и ему подумалось, что дѣло, вѣроятно, не въ одномъ лишь чувствѣ единомыслія, но также и въ титулѣ князя. Въ Бирмингемѣ, гдѣ Рославлевъ былъ только инженеромъ-ислѣдователемъ, но никакъ не пэромъ Англій, его титулъ воспринимался туземцами какъ простительная слабость или какъ занесённая на визитную карточку ошибка переводчика. Только послѣ переѣзда въ Лондонъ, женитьбы и полученія кресла въ наблюдательномъ совѣтѣ “Орднанс Индастриз” онъ почувствовалъ, что для окружающихъ это всерьёзъ. Но въ то же время, какъ ни парадоксально, онъ ещё больше чувствовалъ себя персонажемъ изъ чужого анекдота: русскій князь на британскихъ островахъ, а жена его – принцесса¹.

Когда они оба усѣлись за столикъ, вдыхая ароматъ горячаго чая, то ихъ дружелюбно улыбчивыя лица, обращенныя другъ къ другу, въ теченіе краткаго времени оставались предметомъ взаимнаго молчаливаго изученія.

Красовъ былъ широколицъ – въ полномъ соотвѣтствіи съ его коренастой фигурой. Слегка вьющіеся чѣрные волосы его, какъ и сіяющій взглядъ синихъ глазъ, очень шли его смуглому лицу.

О себѣ же Рославлевъ зналъ, что у него длинное лицо породистаго аристократа съ нѣкоторымъ намѣкомъ на лошадиность – иного онъ за собой не зналъ и считалъ это для себя достаточнымъ. Впрочемъ, благосклонныя женщины порой находили въ нёмъ сходство съ Рахманиновымъ.

– Итакъ, Валерій Михайловичъ, вы доцентъ въ университетѣ? – любезнымъ тономъ прервалъ паузу Рославлевъ.

– Такъ точно, князь! За памятникомъ Ломоносову, у него за спиной, гдѣ странныя дѣла творятся...

Брови князя взлетѣли, глаза усталились на Красова.

– Презрѣвъ истматъ, вы окунулись въ чернокнижіе?

– О, если бы такъ!.. Но всё гораздо банальнѣе: словоблудіе о дискурсахъ – и дискурсъ о словоблудіяхъ. Видите ли, князь...

– Дмитрій Михайловичъ, давайте оставимъ титулованіе!.. Зовите меня Петромъ Николаичемъ.

– Да, Пётръ Николаевичъ, о какой философіи можно говорить въ притонѣ либероидовъ!

– Кто такіе либероиды? – изобразилъ непониманіе Рославлевъ.

– Ну, ельциноиды, если угодно...

¹ Слово «князь» переводится на основные языки Западной Европы какъ принцъ.

– Кажется, я понимаю васъ, – возразилъ князь, желая переменить тему. – Но какъ вы выбрали вашу профессію?

Лицо Красова озарилось.

– Я родомъ изъ Полтавы, изъ Малороссіи, – онъ подчеркнуто произнёсъ послѣднее слово. – Отець бросилъ мою мать, когда я родился, а она, бѣдная, не окончившая школы крестьянка, всѣ силы положила на то, чтобы я закончилъ школу съ золотой медалью. Дальше – больше. Мама хотѣла видѣть меня высокообразованнымъ. Я колебался между филологіей и философіей, но сдуру поступилъ на философію, то есть, какъ вы изволили замѣтить, на истмать. Мой другъ Салабинъ былъ счастливѣе: онъ способенъ къ языкамъ – и сразу выбралъ филологію.

– Чѣмъ же васъ обидѣла философія? – спросилъ князь. – Повѣрьте, я безъ всякой ироніи или сарказма, просто любопытствую...

– Я это чувствую, и благодаренъ за вниманіе... Я даже не боюсь быть обвинѣннымъ въ профессиональной непригодности, потому что философія – это не профессія, а вы вѣдь, я надѣюсь, не философъ?

Рославлевъ склонилъ голову, а затѣмъ приподнял, будто сопровождая ходъ мысли Красова, и лишь затѣмъ признался:

– Да я-то не философъ... Но что, по-вашему, такое – философія?

– Какъ учебная дисциплина – это исторія человѣческихъ поисковъ и заблужденій. Какъ профессія – это кладбище благополучныхъ неудачниковъ. Но какъ призваніе – это можетъ кое-чѣмъ стать, съ конкретнымъ именемъ и фамиліей.

– Но вѣдь и вся исторія вообще – одни сплошныя заблужденія, ошибки, войны, преступления... Развѣ не такъ, Дмитрій Михайловичъ?

– Не спорю. Но, по мнѣ, въ тысячу разъ благороднѣе моя мать-крестьянка съ ея неполнымъ среднимъ образованіемъ, чѣмъ я самъ, кандидатъ наукъ и плановый докторантъ. Самъ я паразитъ – и 90 процентовъ моихъ коллегъ только паразиты на тѣлѣ общества.

– То есть вы говорите о порокахъ городской цивилизаціи какъ таковой, – кивнулъ понимающе Рославлевъ. – Иными словами, вы врагъ прогресса?

– Несомненно! – безъ тѣни запинки произнёсъ Красовъ, облегченно вздохнувъ: его-таки поняли! – Вы попали въ точку! Вы подарили мнѣ діагнозъ. Теперь мнѣ легче будетъ стоять на своём!

«Теперь я, можетъ быть, и нащупаю себѣ призваніе...» – подумалось ему.

– Ещё чаю, Дмитрій Михайловичъ? – спросилъ Рославлевъ.

Красовъ заглянулъ въ свою чашку и быстро допилъ остывшій чай.

* * *

Они вышли на Владимірскую площадь и стали выяснять, у кого какая линия метро. Обоимъ подошла одноимѣнная съ площадью станція. Оказавшись рядомъ съ памятникомъ Достоевскому, они остановились какъ по командѣ – и посмотрѣли другъ на друга.

– Признаться, Дмитрій Михайловичъ, я этимъ изваяніемъ шокированъ.

– Я тоже, князь! – воскликнулъ Красовъ. – Но не удивлѣнъ! Вѣдь онъ всѣмъ западникамъ – антиподъ! Поэтому широкоплечаго Фѣдора Михайловича изобразили тщедушнымъ чучеломъ и снабдили его, вмѣсто тонкихъ прядей на головѣ, негритянскимъ бобрикомъ.

– Хм... Вѣроятно, мастерица лѣпила его изъ пластилина, потому что не владѣла рѣзцомъ, – замѣтилъ Рославлевъ.

– А, вы въ курсѣ, что это женщина! Да она и пальцами не владѣла...

– Я ещё въ Англій слѣдилъ за этимъ – въ интернетѣ.

– Зато посмотрите, на какой памятникъ не поскупились Кармазинову – въ оградѣ Русскаго музея! – возбужденно продолжалъ Красовъ.

– Кармазину?.. – не понимая его Рославлевъ.

– Нѣтъ, Кармазинову... Такъ называлъ Достоевскій Тургенева... Помните – въ «Бѣсахъ»?

– Ахъ, да... Теперь помню.

Однако это замѣчаніе Красова заставило князя остановиться:

– Не любите Тургенева, Дмитрій Михайловичъ?

– Я? – удивился Красовъ. – Почему?.. И люблю, и жалѣю...

– Это как же?

– Стоит мнѣ перечитать «Асю» и «Вешнія воды», какъ становится жалко старика до слѣзъ, – скрывая смущеніе подь нарочитой бодростью голоса, отвѣтилъ Красовъ. – Это Фѣдору Михайловичу было за что его не любить...

– А за что? – пытливо взглянулъ на Красова князь.

– Какъ же... Да вѣдь Иванъ Сергѣевичъ былъ западникомъ какихъ мало! И гордился этимъ, и Достоевскаго шпынялъ «россійскимъ варварствомъ».

– Да, это правда, Достоевскій въ письмахъ сообщаетъ... А какая тургеневская вещь у васъ – любимая?

– «Дворянское гнѣздо».

Князь воспринялъ это признаніе съ видомъ удовлетворенія.

– Да... Её и Достоевскій любилъ. Я имѣю въ виду – Лизу Калитину. Въ своей исторической «пушкинской рѣчи» онъ назвалъ два вершинные женскіе образа нашей словесности, сопоставимые по красотѣ положительности съ Татьяной Лариной...

Князь остановился, словно давая возможность и Красову обнаружить свою освѣдомлённость.

– Наташа... Ростова?

– Вы угадали. Только она была названа второй, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь Николай Николаевичъ Страховъ. А первымъ прозвучало имя Лизы Калитиной, встрѣченное криками восторженныхъ слушателей. И потому Наташа осталась неслышанной – въ газетныхъ отчётахъ ея не оказалось. Но Страховъ былъ рядомъ съ Достоевскимъ – и онъ услышалъ.

– Спасибо, Пётръ Николаевичъ! – съ чувствомъ поблагодарилъ князя Красовъ.

Они прошли дальше, но у входа въ метро Красовъ удержалъ Рославлева за рукавъ.

– А теперь, Пётръ Николаевичъ, прошу обратить вниманіе на архитектурный вызовъ... то есть, на вызывающій крендель въ видѣ баранки, вѣнчающій храмъ торговли напротивъ собора... ради лишь того, чтобы помѣстить баранку выше куполовъ Владимірской Богоматери...

– Да, вы правы! – тихо проговорилъ Рославлевъ и стиснулъ Красову локоть сквозь рукавъ пальто.

Въ метро имъ надо было разъѣзжаться въ разныя стороны, поэтому они пропустили ещё нѣсколько проходящихъ поѣздовъ, пока стояли въ вестибюлѣ: обмѣнялись телефонами и договорились поддерживать связь.

Ну вотъ, уже Рославлевъ вошёлъ въ электричку...

– Скоро мой другъ Салабинъ возвращается из-за границы, – скороговоркой на прощанье сообщилъ ему Красовъ въ готовую захлопнуться дверь вагона. – Я бы очень хотѣлъ познакомить васъ!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ранней весной 1994 года, то есть за десятокъ лѣтъ до вышеописанной встрѣчи, Салабинъ стоялъ передъ продуктовой витриной въ одномъ изъ торговыхъ заловъ Невскаго проспекта, изучая выставку снѣди, и переживалъ синдромъ полнѣйшаго отчужденія.

Въ головѣ у него порхали навязчивыя мелодіи, непрерывно звучавшія съ нѣкоторыхъ поръ по всѣмъ новоявленнымъ станціямъ FM. Лейтмотивами были «вѣтеръ переменъ, унёсшій у меня изъ рукъ послѣднія деньги», либо «ты цѣлуй меня вездѣ – я вѣдь взрослая уже», а ещё – грозно звучавшая ночью, да не гдѣ-нибудь, а подь окнами Салабина, да ещё хоромъ, да подь яростную гитару – «Уходимъ! Уходимъ! Уходимъ!..»

Салабина подмывало уйти изъ магазина, но онъ не торопился. Переменъ сдѣлали его свободнымъ, онъ могъ въ любую минуту покинуть Невскій съ его осыпавшимися фасадами и уйти на Сѣнную съ ея дешёвыми ларьками. Тамъ торговали китайскимъ сухимъ молокомъ изъ Западной Европы, бельгійскимъ спиртомъ въ литровыхъ бутылкахъ изъ пластика, картофельнымъ порошкомъ изъ штата Айдахо и брикетами изъ кожистыхъ куриныхъ обрѣзковъ... Наконецъ, тамъ было море разливанное чипсовъ – дотолѣ неслыханнаго деликатеса...

Только что Салабинъ проходилъ мимо бывшей «Минутки», гдѣ теперь обосновалась бесплатная столовка британской «Арміи Спасенія»; на тротуарѣ у входа маячила мадамъ въ мундирѣ и въ фуражкѣ этой самой арміи. Салабинъ подавилъ своё любопытство и заодно аппетитъ: онъ не считывалъ, что пройдётъ фейсъ-контроль у женщины-конвоира. Главнымъ же былъ не собственный

аппетитъ Салабина, а вопросъ о томъ, что онъ принесётъ домой: вполне предвидимо, пачку спагетти и бутылку подсолнечного масла. Плюсъ пустотѣлое яйцо изъ шоколадной глазури, запечатанное въ цвѣтную фольгу – «киндеръ-сюрпризъ» для своей Маруси (по-мамкиному – Ляльки).

– Геннадій?.. Это вы?

Салабинъ оглянулся и не сразу узналъ въ невысокой пепельной блондинкѣ прежнюю знакомую по пароходству – Ольгу изъ коммерческой службы. Онъ молча называл её вѣчной холостячкой – впрочемъ, никогда не унывавшей и любившей заводить съ мужчинами бесѣды съ претензіей на свѣтскость. Во всякомъ случаѣ, къ Салабину она всегда подходила съ неизменнымъ вопросомъ: «Подѣлитесь, что Вы прочли интереснаго за послѣднее время?»

Вѣдь было такое время Великаго Чтенія – и Охоты за Книгой, когда каждый второй могъ сказать о себѣ «духовной жаждою томимъ», пусть даже не помня или не смѣя досказать: «въ пустынь мрачной я влачился». Свѣжее слово сказать было всегда затруднительно, но жажда всѣми ощущалась – къ немалой выгодѣ племени переводчиковъ: на экспортъ шли балетъ и «хохлома», а завозилась въ невѣроятныхъ количествахъ чужая литература. Пусть и разрешенная – но всё равно чужая: съ чужими привычками, въ томъ числѣ вредными. (Тѣмъ она и была интересной, то бишь лакомой.) На устахъ интеллигентныхъ горожанъ первымъ журналомъ была «Иностранка», затѣмъ «Новый міръ»; могла иногда заискриться «сенсацией» «Дружба народовъ» или «Юность»; чисто женскій интересъ худо-бѣдно удовлетворяла польская “Kobieta i Życie”.

– Гдѣ вы теперь, Геннадій? Что съ вами? Въ пароходство не хотите вернуться?

Послѣдній вопросъ былъ не только неожиданнымъ – онъ былъ невѣроятенъ.

– А что – пароходство ещё есть? Если по газетамъ – такъ ничего не осталось!

– Не только есть, но даже возрождается! И съ новымъ руководствомъ!

Продолжая говорить, Ольга сунула ему въ ладонь твёрдую карточку со своей теперешней должностью: начальникъ коммерческой службы:

– Кацкунъ уже сидитъ на нарахъ, начальника упразднили, теперь у насъ президентъ и предсѣдатель совѣта, а вице-президентомъ – Борисовъ, большая умница и свѣтлая личность. Пріѣзжайте завтра, я васъ къ нему отведу – и напишете завленіе! Новая команда спасётъ пароходство!

Салабинъ опѣшилъ отъ такихъ новостей.

– Придѣте? – свѣтлые Ольгины глаза уставились на него. – Люди с вашимъ опытомъ очень нужны!

– А кто такой Борисовъ?

– О!.. Это капитанъ, изъ лучшихъ въ пароходствѣ, выбранъ собраніемъ акціонеровъ!..

Салабинъ ещё разъ посмотрѣлъ на карточку:

– Я вамъ завтра возвоноу.

– Смотрите: обязательно! – и на прощанье Ольга многозначительно состроила глазки: – Я буду ждать!

* * *

Поколѣніе Салабина собрало богатый урожай воспоминаній; и много воды утѣкло подъ мостомъ, пока переходили мы съ крутого берега на пологій, изъ царства ханжества въ республику цинизма. Всё было давно предчувствовано и предсказано, но пророковъ ханжески замалчивали въ тѣ годы, пока взрослѣли Салабинъ со сверстники.

Уже и страна превратилась изъ самой читающей – въ самую пишущую (безъ знаковъ препинанія), изъ строящей – въ торгующую не торгуясь, изъ наглухо застѣгнутой – въ расхристанную напрочь. А мы, ребята, на этомъ кувыркѣ ни оглянуться не могли, ни очнуться не успѣли. Оглядываться другъ на друга надо было раньше.

Когда Салабинъ убѣжалъ изъ-подъ протѣкавшей крыши «Интерклуба моряковъ», начинался девяностый годъ. Улицы стала затоплять свобода слова и печати: гороскопы, *альтернативная исторія*, секты, брачныя объявленія, инфляція, реформа КГБ, порновидеосалоны, выставки раздѣваній, нападенія на пенсионеровъ, едва отошедшихъ отъ кассы или вышедшихъ съ пакетомъ изъ магазина...

Реклама била по органамъ чувствъ: «Дѣвушкамъ: работа за рубежомъ!» – «Эмиграція: телефонъ – миллионъ!» – «Англійскій – языкъ твоего будущаго!» – «Съ англійскимъ – я самый крутой!».

Салабину пришлось вернуться к первому образованию и давать объявления о репетиторствѣ, благо что появились газеты бесплатныхъ объявленій на всѣ случаи жизни и порока. Мыкался домашнимъ учителемъ, пока одинъ пріяель съ философскаго, уже профессоръ, не порекомендовалъ его учредителямъ *негосударственного университета*.

Жену Наталью убивала матеріальная скудость: пришлось ей опять пойти на нелюбимую работу въ дѣтскій садъ. Однако же тамъ она обзавелась интересными связями – грузинкой, бѣжавшей изъ Абхазіи, и ея подругой, подвизавшейся въ райотдѣлѣ милиціи уборщицей. Судьбоноснымъ для Натальи результатомъ этихъ связей – а почему не для Геннадія? – для него, какъ выяснилось, тоже – стало увлеченіе жены астрологіей. Просвѣщенная новыми подругами, Наталья другими глазами стала глядѣть и на мужа, укоряя того за «неприспособленность»: ну что ты каракули выводишь, стоя за чертѣжной доской? – вотъ пошѣль бы в милицію – точно не жилъ бы на одну зарплату!

Геннадій когда вспыхиваль, а когда отшучивался:

– Ты чего, Наташ...? На милицію клеवेशешь?

Наконецъ понявъ, чего добивается жена, онъ отвѣтилъ ей опредѣленнее:

– Ужъ извини, дорогая, но вымогателемъ и воровъ я не буду!

– Тогда зачѣмъ сѣмью заводилъ?!

Геннадій не узнавалъ своей жены. Да и многое вокругъ становилось неузнаваемымъ. Генсекъ сталъ президентомъ, генералы КГБ – перебежчиками, а счетоводы правящей партіи – «самоубійцами»... Но это было лишь начало.

Сынъ сталъ дерзить отцу и бросилъ школу, пропадая съ мальчишками по чужимъ чердакамъ и квартирамъ. Наталья первой узнала, что ея одиннадцатиклассникъ въ школу больше не ходитъ, прогулявъ уже цѣлую четверть, но сказала объ этомъ Геннадію, когда парень прогулял и вторую. Въ отвѣтъ на ужасъ и негодованіе мужа, Наталья фыркнула:

– Ну вотъ ты у насъ учёный – а толку-то?..

Парню предстояло идти въ армію, не окончивъ средней школы.

«На ней ли я тогда женился?» – спрашиваль себя Салабинъ. И не зналь, какъ отвѣтить. Спрашиваль-то себя на бѣгу, между уроками, не видя предмета своихъ размышленій. А съ наступленіемъ сумерекъ Наталья отправляла мужа и сына съ рюкзаками далеко за Долгое озеро – тырить на совхозномъ полѣ ещё неубранную, а потомъ *недоубранную* картошку.

Власти взахлѣбъ знакомили народонаселеніе съ прихотями рынка и красотами демократіи. Промышленность воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ – и установила свои отпускныя цѣны на продукцію, но розничныя цѣны, въ интересахъ народа-покупателя, торговлѣ трогать запретили. По такому дальновидному совѣту учёныхъ спецовъ встала промышленность, а торговля опустынилась.

Салабинъ сталъ догадываться, что въ правительствѣ пока ещё очень разные люди: одни въ недоумѣннн исчезаютъ, а другіе, укореняясь, возвышаются. А съ экрановъ подребезжалъ «первый советскій эротическій фильмъ – *Маленькая Вера*»; успѣлъ уже и забыться, захлѣстнутый видеосалонами импорта и кабельнымъ ТВ. Салабинъ такъ и не посмотрѣлъ эту *Веру* – но вотъ уже снимаютъ «первый отечественный триллеръ»... Какъ будто триллеръ можетъ быть отечественнымъ! – принципиально ворчить Салабинъ, не забывшій о своёмъ филологическомъ образованіи.

А Ростиславъ Салабинъ уже призвался в армію. Значить, уже два года пробылъ старшій Салабинъ репетиторомъ и преподавателемъ въ *гуманитарной академіи*. А Ростика призвали, когда мать уже ушла въ вольноопредѣляющіяся.

Отецъ съ Лялей-Марусей посѣщали Ростика въ его полку уже безъ матери; подразумевалось, что она к нему ѣздитъ отдѣльно, хотя объ этомъ сынъ ни разу не обмолвился, а отца и сестру просиль почаще пріѣзжать и заказывал опредѣленные гостинцы для «старослужащихъ ребятъ».

Позади осталось перетягиваніе каната между Горби и Борби и дурацкій ГКЧП смывшагося въ Крымъ Горбачёва (хотя, съ другой стороны, онъ былъ разыгранъ психологически гениально). А вотъ выводъ танковъ на площади былъ идиотическимъ, словно гѣкачеписты сами собирали себѣ на приговоръ... Позади уже былъ и кроваво-закопчѣнный девяносто третій... Ужъ эти-то огня и крови не боялись!

Но осталось ли всё это позади? Уже начинало казаться, что это среди насъ – и навсегда. И только древняя максима, что всё, всё на свѣтѣ проходить, оставляла призракъ надѣжды, теплящейся гдѣ-то въ тайныхъ уголкахъ души.

Тѣмъ временемъ пошли-поѣхали, попѣрли деклараціи большихъ и малыхъ *суверенитетовъ* («Папъ, кому они говорятъ **соври?**») – спросила Лялька.) Хотя нѣтъ: это раньше началось, попѣрло ажъ съ девяносто перваго, даже прежде Беловежской пуци, и даже изъ «обиженной Союзомъ» столицы РСФСР – Москвы, чьи комплексы подхвачивались пропагандистами, заморскими доброжелателями и консультантами.

Датировать сцены той трагедіи уже нелегко, но не забыть Салабину, какъ изъ президіума съѣзда похвастался то ли еще генсекъ, то ли уже президентъ: «всего, что знаю и дѣлаю, я же вамъ никогда не скажу!». (И не надѣйтесь!..) Сердцевѣдъ Салабинъ скромно понималъ это такъ, что Раиса Максимовна осерчаетъ!.. да и Маргарита не велить!)

А дальше этотъ сердцевѣдъ теряетъ всякую скромность: «Помянете моѣ слово: онъ очень долго будетъ жить, отъ него и Смерть отвернется!.. Пока не приготовить ему *тамъ* надлежащій приѣмъ... ууу!

Формально дорогой Михалъ Сергѣичъ за 93-й годъ не отвѣчаетъ; а по существу – ещѣ какъ отвѣтитъ! Только не передъ нами грѣшными...

Когда Ростикъ уходилъ служить, то сказалъ отцу при прощаніи:

– Не надо вамъ съ мамой разводиться!

«Это кто тебѣ сказалъ?» – спросилъ отецъ. – Она сама, – шмыгнувъ носомъ призывникъ. – «О томъ, что надо, – или о томъ, что не надо?» – потребовалъ уточненіи Салабинъ, не понимая собственной жестокости.

– О томъ, что вы разводитесь – и всё! – простодушно отвѣтилъ Ростикъ.

«И всё!» – мысленно кивнулъ Салабинъ.

– Держись, сынище! – сказалъ онъ Ростикъ. – Я тебѣ навсегда отецъ!

Въ учебномъ взводѣ внутреннихъ войскъ на улицѣ декабриста Якубовича («Почему не героя графа Милорадовича!» – привычно думалъ Салабинъ всякій разъ, когда они съ Марусей вступали на тамошній тротуаръ) – Ростиславъ за недѣлю-полторы превратился въ блѣдное привиденіе... Оказался неготовъ къ борьбѣ за выживаніе, за право на пайку, на койку и за право сильного, не могъ держать ударъ и отвѣчать на ударъ.

«Какимъ бы я самъ оказался въ этой казарме, на этой кухнѣ, въ этомъ туалетѣ?..» – спрашивалъ себя Салабинъ, получившій воинскую специальность въ университетѣ и не проходившій срочной службы. Въ школѣ ему приходилось держать ударъ верзилы-переростка Пашки Козловскаго: держать, ни на шагъ не отступая, но и ударомъ не отвѣчая. Пашка давно на томъ свѣтѣ, а въ память о немъ у Салабина дважды перебитый носъ.

«Я виноватъ! Не воспиталъ Ростислава!» – корилъ себя Салабинъ. Но вставали передъ глазами сцены, когда въ отвѣтъ на отцовскія внушенія Ростикъ слалъ ему оскорбительные жесты, укрываясь у матери за спиной.

Они должны были развестись, потому что жена ревновала мужа къ письменному столу, а собственную кухню и плиту возненавидѣла сильнѣй, чѣмъ тѣща ненавидѣла зятя (но тѣща и собственную мать ненавидѣла, только это отдѣльная исторія)... А ещѣ и потому, что грузинка изъ Абхазіи нагадала Натальѣ «перемѣну партнѣра», когда ей стукнетъ сорокъ первый годъ.

По простодушію или въ далеко идущихъ видахъ, Наталья этими откровеніями тайныхъ и невидимыхъ силъ подѣлилась съ собственнымъ мужемъ. У Геннадія же было собственное впечатленіе, что Наталья сорокъ первый годъ уже давненько наступилъ. Поэтому онъ ей посоветовалъ ничего не дѣлать кое-какъ, а хорошо и осмотрительно выбрать себѣ новаго спутника.

Когда Ростикъ уже месяцъ пробылъ въ учебномъ взводѣ, Наталья объявила:

– Я рѣшила, Салабинъ: разведусь я съ тобой!

Онъ сглотнулъ неожиданный комокъ (несмотря на ожиданіе, перешедшее въ привычку), подумалъ – и отвѣтилъ:

– Ты, случаемъ, не ведешь дневникъ?

– А то что?

– Если ведешь, то такъ и напиши: «Это Я рѣшила!». Или купи красивую открытку, поставь дату – и напиши это там!.. Для исторіи!

Въ судѣ, «по взаимному согласію сторонъ», Наталья оставила за собой 18-лѣтняго сына, а 9-лѣтняя Елена, папина Маруся, она же мамина Лялька, досталась отцу. Тогда Маруся была достаточно склонна къ этому. Слѣзъ у ней не было. Или слѣзы были впереди?

«Я в парходство иду опять, – сказала себѣ Салабинь, – потому что до сих порь, диспетчерь флота, стыдь и срамь, не испробоваль шторма. Вотъ поэтому. А насчётъ восторженнаго оптимизма Ольги Кузнецовой имѣю сильныя сомнѣнія.»

Когда-то, школьникомъ, онъ собирался в южный город Николаевъ в кораблестроительный техникумъ – только не вышло: в тотъ годъ не принимали ребятъ с неполнымъ среднимъ образованиемъ. Зато Люда Ильина, его первая школьная любовь, по окончаніи кораблестроительнаго института дома, на Балтикѣ, получила назначеніе именно в Николаевъ – и строила тамъ громадныя корабли: танкера и крейсера.

Въ пятомъ классѣ Генка влюбился в Люду молча и сразу – до боли сердечной. Там же, в самомъ сердцѣ, эта молчаливая любовь истаяла вместе с болью – кь седьмому классу. Женька Ядрышниковъ, сосѣдъ Геннадія по партѣ, тоже былъ молча влюблѣнъ в Люду Ильину, которую вслухъ называл не иначе какъ Ильиной. Но замѣчала ли Люда своихъ воздыхателей? Они сами себѣ в этомъ чувствѣ едва признавались.

Въ школьной самодѣятельности Люда Ильина была примой сольнаго пѣнія. Когда на репетиціяхъ Люда пѣла, а Гена в полтора шагахъ смотрѣлъ на неё в упоръ – и с мѣста не сходилъ, и глазъ не сводилъ – она ему замѣчаній никакихъ не дѣлала. Но когда в спортзалѣ на урокахъ физкультуры Салабинь выступалъ на конѣ или на брусьяхъ, Ильина нарочито громко комментировала его исполненіе, обращаясь кь сосѣдкамъ-дѣвчонкамъ и обзывая Салабина Салаткинымъ.

Эта любовь Салабина такъ и не обрѣла своего голоса, а потомъ уроки физкультуры стали раздѣльными для юношей и дѣвушекъ. Позднѣе Геннадій пережилъ нераздѣленную любовь кь новенькой Викѣ, которую мгновенно покорилъ чемпионъ школы по тройному прыжку. Чемпионъ какъ живой стоитъ передъ глазами у Геннадія, хотя память не сохранила ни имѣни его, ни фамиліи.

Съ Людой Ильиной, уже студенткой «корабелки», Салабинь видѣлся лишь однажды в колпинскомъ паркѣ – и вѣлъ тогда себя донельзя глупо: кривлялся и ёрничалъ, а Люда молча искося смотрѣла на него. Её молчаніе толкало его на новые глупости, но выражались они не столько в словахъ, сколько в неумѣстной и ломающейся интонаціи. Онъ по-прежнему боялся женщинъ и былъ дуракъ дуракомъ (можно объ этомъ прямо сказать, разъ это его собственный выводъ).

Мать Геннадія, постоянно встрѣчая другихъ матерей, передавала ему новости объ одноклассникахъ. Люда долго не выходила замужъ; в послѣдствіи Геннадія странно поразила новость, что ея мужъ оказался его тѣзкой. Но больше поразило его то, что Люда умерла, не доживъ до пятидесяти.

По собственному сужденію Геннадія, онъ ничего особеннаго в жизни Люды Ильиной значить не могъ, – но какъ знать?.. Дуракъ вполне способенъ занять особенное мѣсто.

Когда Ростикъ шѣлъ пятый годъ и была жива ещё мать Геннадія, она рассказала об очередной встрѣчѣ с матерью Люды: в невинной болтовнѣ «о дѣтяхъ» та проговорила, что Люда спрашиваетъ, каковъ сейчасъ Генка Салабинь – не отрастил ли себѣ животь? «Да что ты, какой у Генки животь?» – отвѣтила та, порою видѣвшая Гену рядомъ с матерью.

«Если бы всё сложилось иначе, – думал теперь Салабинь, – и я бы рано женился – на Людмилѣ, – она, вѣроятно, была бы сейчасъ жива, я былъ бы ей подкаблучникомъ – и былъ бы у меня теперь животь.»

Ольга положила телефонную трубку и просіяла, кивая Салабину:

– Пойдѣмте! Александръ Павловичъ ждѣтъ насъ.

Открывъ дверь изъ приёмной в кабинетъ вице-президента, она отступила, предоставляя Салабину войти первымъ, и тотъ увидѣлъ встающаго из-за стола капитана «Новозыбокова» – Александра Борисова с той самой линіи «Вестабалт», которой и завѣдывалъ когда-то Салабинь....

– Ба! – воскликнулъ кто-то одинъ или даже оба. И схватили другъ друга за локти – полуобнявшись... И пальцемъ Борисовъ погрозилъ Ольгѣ:

– Ну, Ольга!.. Ухх! Что стоило фамилію сказать? Гена! Салабинь!. А то, понимаешь, она тебя секретила!

Ольга с довольной улыбкой покинула их, а мужчины стали дѣлиться свѣденіями о самихъ себѣ в текущемъ состояніи дѣйствительности.

Прежде чѣмъ отправить Салабина въ кадровую службу, Борисовъ разскалъ о послѣднихъ перемѣнахъ въ пароходствѣ: преобразовались в акціонерное общество, «мнѣ предлагали стать президентомъ, да я не рѣшилъ: только-только съ мостика на берегъ, понимаешь...» А президентомъ, что даже лучше, сталъ начальникъ судо-механической службы Луцинскій...

– Иванъ Ивановичъ?.. – оживился Салабинъ.

Онъ безсчѣтное число разъ здоровался съ Луцинскимъ въ лифтѣ или въ коридорѣ, а слышалъ о нёмъ только хорошіе отзывы.

Пароходство уже стало выкарабкиваться изъ кацкуновыхъ долговъ, медленно уползая отъ банкротства, была весна надеждъ, и кто могъ знать, что мрачнымъ осеннимъ вечеромъ Иванъ Ивановичъ Луцинскій будетъ разстрѣлянъ въ собственномъ подъѣздѣ десяткомъ пуль калибра девять миллиметровъ.

А вѣдь кто-то же это зналъ и вынашивалъ: кровавый 93-й былъ невыносимо памятенъ... Но Салабинъ, ободрѣнный встрѣчей съ Борисовымъ, заторопился въ отдѣлъ кадровъ съ резолюціей о приѣмѣ его экспертомъ въ коммерческую службу.

«Коммерческой жилки во мнѣ нѣтъ, но работу съ договорами и тарифами я знаю!» – успокаивалъ онъ себя.

* * *

Теперь-то мы знаемъ, что попытка Реставраціи пароходства (именно такъ, съ большой буквы, какъ обозначались Исторіей періоды возстановленія престоловъ) была обречена. Инспекторъ въ кадрахъ, помнившій Салабина, высказалъ своё недоумѣніе: «ты куда идѣшь?.. Да у насъ развалъ!». Но это не поколебало Геннадія. Вспомнилась поговорка Вики Луниной, безсмѣннаго парторга Интерклуба, произносимая подъ речи о свѣтломъ будущемъ: Qui vivra, verra²! Да и выборъ у него былъ невеликъ: оставаться въ «гуманитарной академіи» – или сдѣлать шагъ навстрѣчу штормамъ.

На бумажномъ корабликѣ подъ названіемъ «Ваучеръ» каждый могъ воображать себя и мореплавателемъ, и судовладѣльцемъ, но Салабину хотѣлось настоящихъ событій.

Большинство изъ тѣхъ, съ кѣмъ Геннадій работалъ бокъ о бокъ въ пароходствѣ, уже перебазировались въ зарубежье – за океанъ или въ Германію съ Бенилюксомъ, откуда учиняли иски «родному пароходству» за подлинныя либо мнимыя долги.

Впрочемъ, событій Геннадій не избѣжалъ бы никакъ, вопросъ лишь въ томъ, чтó считать настоящимъ: предстоялъ раздѣлъ квартиры и разѣздъ, забота о второклассницѣ-дочери (плюсъ розыски Ростика, перекинутого изъ учебнаго отряда невѣсть куда), нѣсколько командировокъ эксперта коммерческой службы по тяжбамъ съ европейскими вымогателями, вынужденное (но, къ счастью, мимолѣтное) знакомство съ «комитетомъ солдатскихъ матерей»; далѣе – уходъ изъ пароходства въ мѣлкія морскія агентства, гдѣ зарплату не задерживали; какъ слѣдствіе – мѣлкобуржуазное существованіе съ новыми знакомствами, одно изъ которыхъ показалось роковымъ... А можетъ – не показалось. Всѣ зависитъ отъ угла или точки зрѣнія.

Возвращаясь въ пароходство, Салабинъ ещё не очень понималъ, что теперь обречёнъ на двойное существованіе: вѣдь новоиспечаемый коммерсантъ уже посѣщалъ въ «Домѣ писателя» на Шпалерной творческой семинаръ прозаика Гамова, самородка изъ рабочихъ. Совмѣщеніе этихъ несходныхъ ипостасей не смущало Геннадія, онъ мало жалѣлъ о происшедшемъ и происходящемъ лично съ нимъ, тогда какъ со страной происходившее – повергало... скажемъ прямо, въ ужасъ. Недоумѣній практически не было, всё слишкомъ было очевидно: одни лица чего стоили!..

Теперь можно говорить, что это достояніе исторіи, но эта вся исторія держитъ насъ по-прежнему за горло.

Знакомые въ пароходствѣ встрѣтили Салабина улыбками. По меньшей мѣрѣ одна улыбка была ироничной – отъ давнишняго пріятели Сашки Гасанюка, начальника эксплуатаціи. Это царапнуло, но оставалось мѣлкимъ недоумѣніемъ, пока не прояснилъ всё это Миша Вдовинъ. Тиская руку Геннадія, онъ сразу выложилъ: что самъ онъ ничего не зналъ о салабинскихъ упражненіяхъ въ литературѣ и передачи городского радіо о нёмъ не слышалъ, узналъ же объ этомъ отъ Гасанюка, упомянувшаго «писателя Салабина» съ нехорошей ухмылкой.

² Кто будетъ живъ, тотъ увидитъ. (франц.)

Покойный Купавинъ хотѣлъ продвигать Мишу на отвѣтственные должности за границей, но иностранный языкъ у Миши былъ слабовать, а обѣщать начальнику улучшения – дескать, костями лягу! – Миша не решился.

– Что жъ ты, парень? Жаль, коли такъ! Тогда поѣдутъ Дирченко, Цицикашвили, Голозмерзенко...

Начальникъ хозрасчѣтной группы судовъ (ХЭГС-5) Жиченко, любитель анекдотовъ и прибаутокъ, любилъ вспоминать за рюмкой, какъ иностранцы вышучивали фамиліи советскаго морскаго начальства, будь то въ Москвѣ, Ленинградѣ, Ригѣ, Одессѣ или далѣе: Дирченко, Харченко, Голозмерзенко, Головченко... На этомъ фонѣ Здриль и Гасанюкъ казались иностранцамъ совершенными великороссами.

Саша Гасанюкъ былъ тоже «бычкомъ» изъ черноморскаго бассейна: отецъ его сидѣлъ вторымъ лицомъ одного изъ южныхъ пароходствъ. Тихоня Саша и Геннадій частенько сиживали рядомъ въ автобусѣ по дорогѣ домой. Карьера Саши обезпечивалась московскими связями отца, а поскольку Салабинъ, благодаря Купавину, былъ на хорошемъ счету у кадровиковъ пароходства, то на этой почвѣ Гасанюкъ сталъ культивировать довѣрительныя отношенія съ Геннадіемъ. Его мечтой была работа за границей. Вполголоса, под шумъ автомобильнаго мотора, онъ размышлялъ объ этомъ, сообщая пріятелю о тонкостяхъ и тайнахъ «мадридскаго двора»: какъ непримѣтная точка противъ фамиліи въ списокѣ кандидатовъ можетъ заморозить всякое продвиженіе на годы и годы, и только вмѣшательство могущественныхъ лицъ способно это исправить. «Мнѣ бь твои заботы!» – молча думалъ Салабинъ.

Дѣла Гасанюка пошли въ гору съ появленіемъ въ креслѣ начальника достопамятнаго Кацкуна: его титулы и дипломы, а пуще рангъ его родителя, возымѣли эффектъ и онъ сталъ начальникомъ службы эксплуатаціи – у Кацкуна въ заместителяхъ. Однако жъ, бывая во множествѣ краткихъ заграничныхъ поѣздокъ, продолжалъ завидовать тѣмъ, кто жилъ за рубежомъ въ длительныхъ командировкахъ.

Салабинъ, въ началѣ «перестройки» попавшій на два года стажировки во французскій Гавръ, притомъ съ семьей и перспективой «продленія срока пребывания», взвылъ отъ тоски на третьемъ месяцѣ. Чтеніе французскихъ газетъ и посѣщеніе съ скучными кліентами французскихъ ресторановъ его не утѣшало; втайнѣ отъ жены онъ отказался «ставить вопросъ о продленіи пребывания» – къ счастью, она такой возможности не подозрѣвала, а онъ рвался домой, чтобъ разобратъся съ перестройкой.

Но къ чему было вспоминать передачу городского радіо? Дѣло въ томъ, что не одинъ тихоня Гасанюкъ отреагировалъ на эту передачу. Точнѣе, не только въ пароходствѣ обратили на неѣ вниманіе – но и за моремъ, за окіяномъ, въ Новомъ Вавилонѣ... Бывшая советско-американская агентская компанія, учрежденная пароходствомъ, переродилась и переучредилась въ частную судоходную компанію обаятельнаго одессита Лѣни Воденко, а Лѣнины дарованія были таковы, что такая пикантная мѣлочъ какъ трансляція по радіо опуса Генки Салабина не могла прошмыгнуть мимо его вѣдома.

Чтобы это оцѣнить, надо понять, кто таковъ Лѣня Воденко.

Если тихоня Гасанюкъ былъ вещью въ себѣ и могъ служить инструментомъ внѣшнихъ силъ (ну, и къ собственной пользѣ тоже), то тихоня Воденко былъ болѣе краснорѣчивъ, наблюдателенъ и достаточно находчивъ въ построеніи отношеній съ окружающими. Какъ губка, онъ впитывалъ информацію, распредѣляя по отсѣкамъ и полочкамъ, чтобы использовать еѣ, при надобности, мгновенно. Людямъ онъ умѣло, а иногда и грубо, льстилъ, завоёвывая ихъ расположеніе. Салабину о льстилъ чаще грубо, чѣмъ умѣло, и въ чѣмъ тутъ закавыка, сразу не отвѣтишь. Если предположить, что Воденко льстилъ всѣмъ одинаково, то придѣтся признать за Салабинымъ болѣе тонкую интуицію, чѣмъ у прочихъ сослуживцевъ и пріятелей Воденко. При этомъ назвать Воденко скрытнымъ было нельзя. Онъ довѣрительно, но широко, дѣлился информаціей, что батька у него простой шофѣръ, зато дядя въ Москвѣ – на Старой площади... Впрочемъ, и простой батька, при такой-то роднѣ, наверняка руководилъ крупной автобазой номенклатурнаго типа.

Въ тѣ годы званіе писателя ещё не потеряло прежняго блеска въ глазахъ у бывшихъ советскихъ гражданъ – и въ первую же недѣлю пребывания въ должности эксперта-коммерсанта Геннадій Салабинъ получилъ звонокъ изъ Нью-Йорка. Лѣня выразилъ радость по поводу возможности ихъ новаго

сотрудничества и предложил безвозмездную помощь в издании первой книги Салабина. А книга у Геннадия была уже собрана – около дюжины рассказов – и, странный человек, он даже не задумывался, когда и как он её будет издавать: ему чудилось, что как-нибудь да выйдет. Почти не удивившись, он принял предложение бывшего непосредственного начальника (подумалось, что «таперича совсѣмь не какъ бывалоча») и даже искренне поблагодарил.

Книга вскорѣ вышла, деньги всё рѣшили быстро. Салабинъ получил отзывы, рекомендації – и был принят в тогда ещё единый Союз писателей, в которомъ состояли и Юрий Бондаревъ, и даже, къ тому времени, Игорь Швердаль.

А Лёня Воденко получил сь борта одного изъ судовъ своей компании заказанныя имъ двѣ пачки новоизданной книги и сталъ періодически названивать Салабину, разузнавая новости пароходства, мнѣние Салабина о нихъ и вворачивая вь собственные комментаріи ту или иную фразу изъ салабинской книги, со значеніемъ приговаривая: «какъ ты пишешь». Теперь онъ поручалъ заботамъ Геннадія и своихъ родственниковъ, обосновавшихся на Невѣ, и дѣлился ѣдкими замечаніями вь адресъ общихъ знакомыхъ – теперешнихъ конкурентовъ Лёни Воденко.

Самостоятельный операторъ арендованныхъ вь Прибалтикѣ судовъ, Лёня сохранилъ за своей фирмой положеніе агента достославнаго Балтійскаго пароходства и получалъ отъ «принципала» (то есть пароходства) своё законное агентское вознагражденіе – agency fee, да проститъ намъ читатель этотъ англицизмъ. О чёмъ, однако, знали немногіе – такъ это о томъ, что главный бухгалтеръ пароходства Татьяна Седова перевела вь своё время – и очень, надо сказать, своевременно! – немалый кушъ вь Лёнину компанію, якобы вь погашеніе нѣкихъ долговъ. Впослѣдствіи Татьяна отплыла за океанъ и около года работала главбухомъ у Лёни, но вынужденно возвратилась на родину: не сошлись два крепкіе характера.

Пароходству она была уже не нужна, какъ и пароходство – мало уже кому, и слѣды Татьяны потерялись вь калейдоскопѣ рыночной демократіи. Но мы ещё её увидим: она была важной фигурой вь составе делегации пароходства, выѣзжавшей вь Марсель и Лондонъ для споровъ сь аферистомъ изъ Новой Каледоніи Жаномъ Руэлемъ – деловымъ партнёромъ Гриши Цицикашвили. Руэль арендовалъ наши суда черезъ дочернюю фирму пароходства, во главе которой вь Бременѣ находился Гриша, только Руэль не переводил пароходству арендную плату.

* * *

А жизнь продолжала свой ходъ семимильными шагами и не оглядывалась, поспѣваютъ ли за нею салабины, гасанюки, воденки и цицикашвили – спасатели пароходствъ, производствъ либо ихъ разорители.

Кругомъ поощрялись такія профессіи какъ банкирь, бомжъ и «челнокъ» (трансграничный коробейникъ), обрѣтали популярность агенты по недвижимости. Агентовъ стали, для краткости и опредѣлённости, со смакомъ и азартомъ именовать риэлторами – а вь новостяхъ и сплетняхъ всё чаще риэлторъ сопрягался сь бомжомъ. Банкирь сопрягался то сь инкассаторомъ, то сь грабителемъ, а то и сь убійцей. Журналисты щеголяли заголовками типа «Банкира убили вь своей постели» – и мало кто, кромѣ несчастнаго Салабина, хотѣлъ спросить журналиста, кому это понадобилось банкира уложить вь *свою* постель, чтобы тамъ его убить. Вѣдь вь замѣткѣ сообщалось иное: того убили вь *его* собственной постели.

«Челноки», вмѣстѣ сь сумками вь человѣческой ростъ летающіе вь Турцію и Польшу за ѣдой и тряпками, сопрягались сь вещевыми ярмарками и торговыми ларьками, куда ходили гулять Салабинъ сь дочкой. Ростика куда-то перебросили изъ учебной части, но отцу на разспросы не отвѣчали, совѣтуя подождать письма.

А тутъ подоспѣла поѣздка вь Марсель, къ аферисту-вымогателю Жану Руэлю, который опирался на контракты, подписанные отъ пароходства «бременскимъ музыкантомъ» Гришей Цицикашвили. Злые нѣмецкіе языки весело шутили, что Гриша «чутьчку не самый богатый человекъ Германіи», а незлые русскіе грустно говорили, что «бременскій счѣтъ – это вамъ не гамбургскій».

Пароходство отрядило большую группу энтузіастовъ во главѣ сь замѣстителемъ (простите, вице-президентомъ) по коммерческой работѣ – капитаномъ, безъ году недѣля какъ сошедшимъ на берегъ, и сь Татьяной Сѣдовой ему по правую руку, включая нѣсколькихъ дѣвицъ изъ Ольгиныхъ подчинѣнныхъ плюсъ представителя новой службы экономической безопасности, плюсъ инспекто-

ра технической службы – Татьяниной подруги, и наконец – Геннадія Салабина, недѣлю изучавшаго контракты, исполнительные акты и взаимныя претензіи совмѣстно съ нанятымъ лондонскимъ юристомъ. Этотъ белобрысый британецъ, Ниль Эвероттъ, увѣряль, что Жань Руэль на этотъ разъ не выкрутится – выложить, какъ миленькій, всѣ 8,9 миллионъ долларовъ, причитающіеся пароходу за взятые въ аренду суда.

Но на душѣ у Геннадія кошки скребли: отраслевая французская пресса прямо писала о плохой дѣловой репутациі Руэля. Кромѣ того, Марусѣ предстояло оставаться безъ папы цѣлую недѣлю. Хорошо, что рядомъ на лѣстничной площадкѣ были добрые сосѣди съ дѣвочкой-ровесницей: они просто взяли Марусю къ себѣ. Геннадій ихъ ужъ всяко отблагодарить.

А было уже лѣто. Марсель встрѣтилъ ихъ жарой и рекламой *de la bière pression**. Ниль Эвероттъ поджидалъ ихъ въ гостиницѣ, готовый снова флегматично внушать оптимизмъ этимъ отчаяннымъ русскимъ.

Представитель экономической безопасности, человекъ бывалый, заранѣе подсчиталь стоимость разѣздовъ отъ гостиницы до офиса – и объявилъ, что арендовать дизельный микроавтобусъ станетъ втрое выгоднѣе: вечернія поѣздки на пляжъ будутъ, считай, бесплатнымъ бонусомъ. Чтобъ не утомлять читателя, сразу перейдѣмъ къ итогамъ.

Къ свѣтлымъ воспоминаніямъ Салабина надо отнести средиземноморскую растительность и жѣлто-розово-смуглыя выпуклости каменистаго берега; стайку ворковавшихъ на каменномъ парапетѣ и поразительно неразличимыхъ другъ отъ друга загорелыхъ красавицъ, у которыхъ Геннадій справлялся, какъ пройти или проѣхать къ искомому офису; нѣсколько морскихъ купаній практически въ потѣмкахъ, по окончаніи рабочихъ часовъ – и зовъ слишкомъ юной коллеги изъ Ольгина отдѣла: «Геннадій Серафимовичъ! Искупайтесь! Когда ещё вы будете на Средиземномъ морѣ?!»

По завершеніи переговоровъ у нихъ оставалась свободная половина дня до вылета домой, и Салабинъ пошѣлъ прогуляться въ портъ. На каменной площадкѣ въ яхтенной гавани незадолго до заката появилась дѣвчушка, годами пятью постарше его Маруси, и по-турецки усѣлась лицомъ къ морю на тёплую отъ солнца ровную кладку. Геннадій смотрѣль въ ту же сторону – на жѣлто-розовое небо, белѣсую гладь воды и тѣмныя мачты, прочертившія еле колышущійся воздухъ. Въ позѣ дѣвчушки видѣлось что-то молитвенное – и созвучное чувствамъ Салабина. Разлука и ожиданіе читались въ ея осанкѣ, въ устремлённомъ въ даль и обращѣнномъ въ будущее тонкомъ лицѣ. Она принесла своё настроеніе сюда, къ мѣсту встрѣчъ, разставаній и зримой безбрежности міра – и затихла, переполненная всѣмъ этимъ.

Уходя, Геннадій оглянулся: она сидѣла по-прежнему, она была всё тамъ же, она не почудилась ему...

О сѣрыхъ и мрачныхъ итогахъ говорить пока преждевременно, потому что они обнаружались черезъ полгода, послѣ арбитража въ Лондонѣ.

* * *

По возвращеніи домой Салабинъ выудилъ изъ-подъ рекламы въ почтовомъ ящикѣ конвертъ съ фіолетовымъ треугольникомъ: письмо отъ Ростика. Парень былъ теперь въ части, стоявшей... подъ Калининградом! Вотъ оно, Генка! Ужъ теперь-то ты тамъ побываешь!

Права на отпускъ въ пароходствѣ Салабинъ ещё не заработаль, но въ счётъ будущаго – недѣлю ему предоставять... Почти четверть вѣка назадъ онъ чуть не сталъ калининградцемъ – да такъ и не увидѣль этотъ городъ. Зато теперь онъ тамъ побываетъ непременно!

Нагрузившись гостинцами для Ростика со товарищи, захвативъ экземпляръ своей книжки, провѣривъ карманъ съ описаніемъ маршрута до КПП части, похлопавъ себя по авіабилету и паспорту, онъ снова ввѣрилъ Марусю сосѣдямъ – и отбыль.

У проходной полка они съ Ростикомъ и его пріятелемъ съ утра до четырёхъ пополудни дожидались командира роты, чтобы тотъ отпустилъ ребятъ въ увольненіе; наконецъ командиръ взвода рѣшилъ позвонить тому на мобильный (мобильники были ещё рѣдкостью, но ротный командиръ былъ по совмѣстительству предпринимателемъ)... Во вниманіе къ отцовскому пріѣзду, командиръ предоставилъ Ростикю 24 часа – считая съ момента обращения по телефону, а пріятелю – до 20.00 текущихъ сутокъ. Ребята побывали съ Салабинымъ въ зоопаркѣ, попили кофе и поѣли мороженого

въ кафе, нарвали алычи съ дикорастущихъ деревьевъ, искупались... (Салабину не вспомнить, былъ ли то прудъ или рѣчка Прегель.)

Проводивъ къ автобусу Виталия, отецъ и сынъ сняли въ гостиницѣ номеръ для ночлега – и съ утра ещё погуляли на волѣ. Въ Калининградѣ Ростикъ сталъ походить на человѣка: обрѣлъ мышечную массу... Въ родномъ же городѣ, въ учебномъ отрядѣ – оставался дистрофической тѣнью, неспособной улыбаться.

Вскорѣ по возвращеніи домой отецъ получилъ отъ сына письмо съ новаго мѣста службы – изъ Архангельской области. Солдатъ внутреннихъ войскъ съ восторгомъ описывалъ красоту безбрежной тайги, наблюдаемой съ высоты сторожевой вышки.

Съ этого момента всѣ письма отца къ сыну и обращенія къ мѣстному начальству ВВ оставались безъ отвѣта; на его запросъ въ главный штабъ рода войскъ пришла телеграмма за подписью Шепеля о командировкѣ Салабина Ростислава Геннадьевича въ Архангельскую область: «о причинахъ молчанія выясняемъ, сообщимъ».

* * *

Пошѣлъ второй мѣсяць ожиданія вѣстей отъ Ростислава. Четыре письма къ сыну остались безъ отвѣта. Салабинъ сталъ подумывать – не безъ содроганія – о такъ называемомъ «комитетѣ солдатскихъ матерей», лидерша котораго появлялась на страницахъ новодемократическихъ газетъ и на экраняхъ.

Судя по вторичнымъ гражданскимъ признакамъ этой особы, никакого сына подъ ружьёмъ у неѣ быть не могло. Но на публикѣ она появлялась регулярно, а въ метро и на улицахъ ей вторила безымянная реклама съ телефонами: «Юридическая помощь призывникамъ!» – «Альтернативная служба – это просто!» – «Военнообязанный? Поможем!»

Внутреннія войска упоминались въ новостяхъ изъ Чечни. Пьяница-президентъ билъ себя въ грудь – обѣщаль, что солдатъ-срочниковъ противъ террористовъ не пошлютъ. А если солдатъ прослужить подъ пулями, на минахъ и среди засадъ полгода, то получить немыслимыя льготы и привилегіи. Салабинъ понималъ чиновничью натуру и зналъ, что вѣрить имъ нельзя.

Онъ вторично послалъ телеграмму въ главный штабъ, вторымъ адресомъ указавъ военную прокуратуру (чтобы только припугнуть). На третій день пришѣлъ отвѣтъ: «ваш сынъ находится в командировке в чечне. здоров. причины молчания выясняем.»

Какъ выяснилось потомъ, потомъ, уже потомъ – солдатамъ просто запретили переписку.

И сейчасъ измученный отецъ заглянулъ къ «солдатскимъ матерямъ» – въ ихъ логово на Измайловскомъ проспектѣ.

Въ ожиданіяхъ своихъ (они же подозренія) Салабинъ не обманулся. Тѣтки съ помощниками-мужчинами, всѣ вполне конкретной масти, брали аудиторію за рога – призывали родственниковъ солдатъ и призывниковъ выходить на пикетированіе «противъ войны», «противъ военныхъ расходовъ» и «верните намъ нашихъ дѣтей!». Не всѣ тѣтки были равно агрессивны, но всѣ дружно подчёркивали, что обратившимся за помощью «халявы не будетъ!» – только «башъ на башъ»: хотите помощи – выходите на пикетъ!

«Хотите спасти своего пацана? Спасайте и чужихъ!»

Гдѣ «халява» – тамъ и «пацаны». Гдѣ «пацаны» – тамъ обязательно «халява». Салабинъ эту феню³ хорошо усвоилъ. А вице-премьеръ Полторанинъ даже въ отставку загремѣлъ, едва лишь высказался противъ «лагернаго иврита» у министровъ и телеведущихъ.

Салабинъ всталъ и, бокомъ выбравшись изъ ряда, торопливо покинулъ собраніе. Едва оказавшись на крыльцѣ, онъ жадно сталъ глотать вечерѣющій воздухъ, даромъ что городской – стало быть, не самый чистый...

* * *

Въ штатѣ у Ольги, помимо эксперта Салабина, состояли шестеро юныхъ особъ женскаго полу – «молодыхъ спеціалистовъ», выпущенныхъ профильными вузами. Они готовили всевозможныя справки и отчёты для начальства – какъ для новаго (сошедшихъ на берегъ капитановъ), такъ и для Гасанюка со товарищи.

³ Блатной жаргонъ.

Только эта информация была уже особого свойства: не пароходству как хозяйину адресовалась, а затрагивала пароходство как жертву. Пароходство как таковое не могло быть с сепаратистами в долѣ, а Гасанюк со товарищи вполне могли быть. Должны были быть. Но это уже мысли болѣе позднего Салабина, покинувшего стѣны родного пароходства.

А пока что онѣ, не особо вслушиваясь, наблюдаетъ, какъ щебечетъ Ольга передъ выводкомъ своихъ «спеціалистовъ»; потомъ, когда тѣ уходятъ курить, она откровенно жалуется Салабину, что ей «не хватаетъ мозговъ», чтобы вывести на чистую воду всѣ незаконныя схемы, паутиной которыхъ опутано пароходство за годы правленія Кацкуна...

(Существуетъ, правда, служба экономической безопасности, учрежденная спецслужбами, куда перешѣл бывший глава ХЭГСа-4 – онѣ ѣздилъ, кстати (или нехстати?), съ ними и въ Марсель; но эта спецслужба ни во что не вмѣшивается, а лишь рапортуетъ наверхъ исключительно по слѣдамъ событий.) Потомъ заходитъ вице-президентъ Борисовъ и сразу отъ порога простираетъ къ Ольгѣ вверхъ ладонью правую руку, церемонно приближаясь... Ольга не менѣе церемонно кладѣтъ свою руку на протянутую ладонь – и тотъ еѣ цѣлуетъ.

«Что-то здѣсь уже было!» – говоритъ себѣ Салабинъ, а Борисовъ оборачивается къ нему съ недоумѣннымъ вопросомъ, какъ это Салабинъ до сихъ поръ не умеръ «въ этомъ цвѣтничѣ». Если Ольгины дѣвчата уже вернулись, окутанные никотиновымъ ароматомъ, то подыгрываютъ начальнику-мужчинѣ: мечуть въ Салабина стрѣлы и молніи.

– Слушай, какъ ты это выносишь? – восклицаетъ капитанъ Борисовъ. – Я бы давно уже умеръ!

– А я и такъ – ни живъ, ни мѣртвъ! – эти слова Салабина женщины встрѣчаютъ взрывомъ веселья. Молодушки всего на пять лѣтъ постарше его Ростика, плюсъ никотиновая зависимость, поэтому ни одну изъ этихъ красотокъ онѣ сыну не посоветуетъ. О томъ, что всѣ онѣ замужемъ или какъ-либо иначе несвободны, Салабинъ забываетъ.

И немудрено забыть: Ольга, эта щебетуха-цокотуха, не стѣсняясь присутствіемъ этихъ красотокъ, уже не разъ выпытывала у Салабина, къ которой изъ нихъ онѣ питаетъ наибольшую слабость. Въ отвѣтъ Салабинъ изображалъ на лицѣ мучительную работу мысли и борѣнье противорѣчивыхъ чувствъ.

Неужели Ольга до такой степени распоряжается своими подчинѣнными? Или это мнѣ снится? Или это в пароходствѣ – традиція? Или, можетъ, не только в пароходствѣ?

А то нѣтъ?.. Развѣ Кацкунъ не заказалъ себѣ, на свою голову, «чѣрную вдову» Свѣтлану изъ маттехобезпеченія прямо въ кабинетъ? – развѣ не лѣчилъ онѣ потомъ, по рассказамъ личного водителя Серѣжки? Конечно, Свѣтлану потомъ изъ пароходства паводокъ унёсъ...

Къ которой изъ шести красотокъ Салабинъ питалъ наибольшую слабость, онѣ и самъ себѣ признаться не хотѣлъ. Мало ли ему, что ли, того, какъ онѣ обжѣгся въ Интерклубѣ?

Изъ-за этой Ольги съ ея выкрутасами отодвинулся рассказъ о разобщѣнности пароходскихъ подразделеній в періодъ Великой Попытки возрожденія. Ольгина «коммерческая служба» только и могла, вѣроятно, что справки составлять. А рассчитать, наприимѣръ, *общую аварію*^{*4}? – дока въ этомъ дѣлѣ, легендарный Донатычъ, давно покинулъ пароходство. Вести претензионныя дѣла? Это направленіе выдѣлилось изъ пароходства въ автономный отдѣлъ – въ лицѣ якутскаго мальчика Володи Цвейгаупта съ помощникомъ: нѣкое ЗАО или ООО со своими собственными юридическими связями.

Володѣ съ помощникомъ не надо было платить за отопленіе, за помѣщеніе, за свѣтъ, за связь – притомъ онѣ вѣлъ, по ощущеніямъ Салабина, двойную бухгалтерію и отдѣльные счета. Не могъ не вести. Это угадывалось, это сквозило въ его словахъ, въ его разѣздахъ и независимомъ поведеніи. Странное дѣло, претензионный отдѣлъ никакъ не участвовалъ въ тяжбѣ пароходства съ Жаномъ Руземъ – и, что болѣе странно, это никого не удивляло. Да и Салабинъ удивился только сейчасъ, поздоровавшись с Володей въ коридорѣ.

* * *

Если мучила Салабина неизвѣстность, что тамъ и какъ въ Чечнѣ съ Ростиславомъ, то касательно тяжбы съ аферистомъ Руземъ энтузіасты пароходства пребывали въ увѣренности, что проходимца мы-таки ущучили! Наш замѣчательный Ниль Эвероттъ раскинулъ глобальную сѣть Mareva injunc-

⁴ Разсчѣтъ ответственности сторонъ за понесенныя убытки при аваріи.

tion, накрывшую всё счета и активы компании Translink судебным арестом. И потом, уже в Лондон, на повторной свёртке позиций сторон, наш адвокат подтвердил эти свои заявления не моргнув глазом.

Но коварная действительность подтвердила их не вполне. В Лондонском арбитраже пароходство тяжбу выиграло, но под накидкой Эверотта денег Руэля не оказалось: в перечне Mareva отсутствовала одна-единственная компания в Новой Зеландии, где Руэль упрятал свои активы.

И взятки с Руэля были гладки: даже флоть его не арестуешь – он же, подлец, работал судами, взятыми в аренду у своей будущей жертвы.

Вскорь Татьяна Сёдова уехала в Америку к Лёне Воденко, а Салабинь, разочарованный в пароходском руководстве, принял предложение «Новых агентов» (ООО) и перешёл к ним на службу – тоже экспертом, но с ответственностью на порядок меньшей, а с оплатой труда – втрое большей, чем в пароходстве.

На второй день работы в «Новых агентах» выяснилось, что они агентируют, среди прочих, также и флоть Лёни Воденко. Таким образом, и не в пример тому, что было прежде, Лёня стал не просто начальником, а принципалом Салабина.

Салабину предстояло прожить целых полгода в полном невёдении относительно Ростика.

Он жадно слёдил за теленовостями, с отвращением – за выкрутасами президента Бориски, с опаской – за перелётами, перемещениями и назначениями сановников, машинально ёздил на работу, ходил на родительские собрания (где незамужние учительницы страшали его будущим одиночеством) и регулярно получал телефонные звонки от Лёни Воденко.

Теперь Лёня удостоивал его звонков не только по служебному, но и по домашнему телефону. Бывало, приходил домой Салабинь (они жили теперь в коммунальной квартире на Лиговке), а дочка уже разговаривает «с дядей Лёней»... И о чём бы ни говорили Салабинь с Леонидом Андреичем, тот заканчивал беседу напутствием «наблюдать, наблюдать – и делиться всяким любопытным материалом».

В результате своих наблюдений Салабинь пришёл к выводу, что у Леонида Андреича имела в агентстве целая когорта соглядатаев, из коих самой очевидной была Алла Сажалник, читавшая электронные письма Леонида во всеуслышание, с придыханием – и стоноподобными изъяснениями в любви к принципалу. Она же всёх пересаживала на рабочем месте, дожидаясь начала рабочего дня за океаном и сеанса связи с возлюбленным шефом.

Впоследствии Татьяна Сёдова, сбъжав от заморской службы у Воденко, вздыхала и кудахта, называя Лёнину контору «концлагерем», где сплошь выслуживания и подгаживания, потому что, по мысли Воденко, человек – это, в принципе, закоренелый грешник, а то и преступник. «Да я лучше в лес уйду, чем буду так, как там у них!» – причитала Татьяна, вызывая, впрочем, мало у кого сочувствия. Воденко, по её рассказам, помешался на выслуживании «откатов» – ложных завышенных расценок по сговору с контрагентами. (Салабинь разъясняет, что такое *откат*, потому что до той поры сам не знал такого слова.)

Недолго вытерпеть у дяди Лёни и его ближайший племянник из Одессы, бывший ранее на стажировке в Питере... Этот откровенно говорил друзьям по телефону: «да лучше на Привозе за прилавком стоять!» В конце концов он выпросил себе место в одесском представительстве дядиной фирмы.

А фирма-то!.. – усердно возила в Америку «уран Черномырдина» – мистеру Гору, радиоактивные изотопы от питерского АО «Изотоп», титановую губку, чушки алюминия, металлической кремний... и какую-то страшную химию в очень специальных контейнерах из города Волжского (что на Волге, само собой). А что привозила фирма из Америки, оставалось за пределами внимания Салабина: этим занимались таможенники, оптовики-получатели и плательщики фрахта, а потом, совсем уже по-своему, конечный потребитель... например, куриных окорочков; или хлопьев из картофеля.

Но как бы ни было всё это интересно, Геннадий проживал эти недели и месяцы как ходячий спазм или тромб: с напряжённой думой, ожиданием встёй от Ростислава. Забудыга-президент обещал не посылать солдат первогодок под пули и гранаты, но мало ли чего он в прошлом обещал! Да и Ростик уже не первогодок – его касается другое обещание Бориски: разнообразные льготы всёх, кто пробудет в боестолкновениях шесть месяцев... Шест

месяцѣвъ – охъ какъ долго! Полгода – это всѣ-таки короче... А пустое напряжённое ожиданіе на-чисто стираетъ память: ничего и не осталось въ памяти за эти мѣсяцы!..

* * *

Генка Салабинъ былъ со школьныхъ лѣтъ убѣждёнъ, что женщина для мужчины – это больше, чѣмъ мужчина для женщины. Въ отношеніяхъ между ними – совершенно таинственныхъ отношеніяхъ – женщина представлялась ему существомъ высшаго порядка; во всякомъ случаѣ – порядка неизъяснимаго. И наоборотъ, въ сферахъ, подчинённыхъ разуму, – пожалуйста: мужчина превосходитъ женщину безоговорочно... Но тамъ, гдѣ женщина хозяйка положенія, тамъ мужчина теряетъ своё превосходство и становится слугой, рыцаремъ, воздыхателемъ – а то и дуракъ дуракомъ. Возможно, маленькій Салабинъ читалъ не тѣ книги, – потому что читалъ онъ много и безпорядочно. Ещё въ пятомъ классѣ отецъ замѣтилъ за сыномъ, что тотъ выворачиваетъ шею ко всякому печатному листу, какъ конь къ зелёной травѣ, будь то хоть газета подъ сковородкой. А могъ бы отецъ и раньше это замѣтить – съ третьяго класса уже.

Взрослый Геннадій, вспоминая любимыхъ имъ Тургенева, Стендаля, Гоголя и множество другихъ писателей, у кого были нелѣгкія отношенія съ прекрасной половиной человѣчества... гм, не за это ли онъ такъ по-родственному къ нимъ и относился? – а вотъ Бунина, неизмѣнно восхищаясь прозой послѣдняго, онъ чѣмъ далѣе взрослѣлъ, тѣмъ болѣе недолюбливалъ.

Чичиковъ у Гоголя якобы нѣмѣлъ передъ закономъ, а Салабинъ дѣйствительно нѣмѣлъ передъ женщиной, въ которую влюблялся. Даръ рѣчи, данный намъ Свыше, у Салабина испарялся почти весь, стоило ему только «пропасть» по-настоящему.

Со временемъ пришлось ему задуматься объ этомъ, или попросту – о себѣ. Синдромъ Салабина выражался въ томъ, что онъ могъ шутить, ухаживать, говорить комплименты – но только не будучи смертельно влюблённымъ; онъ бывалъ въ ударѣ, если увлекался слегка и ощущалъ своё состояніе лишь какъ поводъ, чтобы проявить себя. Тогда онъ любилъ не столько предметъ своихъ ухаживаній, какъ самого себя: онъ видѣлъ себя со стороны, онъ себя контролировалъ. Но стоило ему влюбиться до смерти, какъ онъ терялъ пловучесть и шѣлъ ко дну. Съ илистаго дна, не дыша, онъ слѣдилъ, какъ резвились надъ его головой дельфины, nereиды и русалки, изъ которыхъ одна владѣла его сердцемъ. Поэтому уже со студенческихъ лѣтъ о Салабинѣ бытовали разныя, прямо противоположныя мненія *противной стороны*, то есть женской части: дамскій угодникъ?.. – да что ты: бука букой! Въ отвѣтъ на эти отзывы факультетская вѣдунья Регина Абрамовичъ сказала вѣщія слова, при свидѣтеляхъ Лѣвѣ Ласкарѣвѣ и Тойво Маркусь:

– Такъ или иначе, а посмотрите на его глаза! Всегда грустные!

Геннадій придумалъ себѣ оправданіе: «женщины для меня – какъ цвѣты... люблюсь... нюхаю...». Женщины смѣкали и даже оглашали мысль, что если кто понюхалъ – «тотъ уже не остановится!...». Но не таковъ былъ Салабинъ. Цвѣтовъ онъ долго не срывалъ.

Въ студенческіе годы у нихъ на факультетѣ возстановился послѣ арміи добродушный циникъ Вовка Прокопенко. Салабинъ помогаль ему возстановить рѣчевые навыки въ британскомъ діалектѣ, а тотъ, въ свою очередь, удѣлялъ Геннадію больше вниманія, чѣмъ прочимъ «салагамъ».

Наблюдая какъ-то разъ на студенческомъ балу за Геннадіемъ, Вовка сказалъ ему:

– Ну, братъ, и хрупкое у ты сердчишко! Ты что, ещё ни одной дѣвчонки не обидѣлъ?..

Салабинъ удивился. Въ словахъ Вована «обидѣть дѣвчонку» прозвучала нѣкая таинственная норма, Салабину недоступная, житейскій законъ иного бытія. Но мірозданіе Геннадія Салабина устояло: онъ не собирался самоутверждаться, обижая дѣвчонокъ; онъ этого не умѣлъ; но ещё больше удивился бы, если бы циникъ Прокопенко сообщилъ ему, что дѣвчонкамъ только того и надо.

– Ну ты даёшь! – сказалъ Вованъ. – Бери за грудь, говори что-нибудь!

О томъ, что у него языкъ присыхаетъ къ нѣбу, Геннадій стыдливо умолчалъ. Методика Вована повергла его въ дрожь: грудь... что-нибудь... жуть!.. Только годы и годы спустя Салабинъ догадался, что и самъ онъ тоже обижалъ дѣвчонокъ – только по-своему. Тѣхъ, въ которыхъ былъ не влюблёнъ, но говорилъ комплименты: обижалъ флиртомъ безъ продолженія, небрежностью и проч., и проч.

«Не за тѣхъ ли мстила мнѣ жизнь?» – пройдя половину пути, спросилъ онъ себя.

И только подъ конецъ жизни онъ, казалось, нащупалъ смыслъ и значеніе этихъ своихъ особенностей и кажущихся лишеній.

Солдаты «внутренних войск» Ростислав Салабинь был демобилизован поздней осенью 1996 года, проведя на блок-постах Северного Кавказа пять с половиной месяцев; президент Забурдыгин, в данном отдельном случае, своё слово сдержал. Когда отец и сестра увидели выставленный перед ними на эскалаторе метро – обтянутый кожей скелет с остановившимся взором, то узнали его сразу, а признать его Ростиком не могли.

Час назад им звонила прежняя соседка и сбивчиво, таинственным тоном стала объяснять, что у ней в доме сидит человек, попросивший сообщить им о себе, но запретивший называть своё имя. На нетерпеливые расспросы Салабина бдная женщина, испуганная видом посетителя, смогла лишь пролепетать: «да, это ваша кровь...»

– Маруся, наш Ростик вернулся! – ломающимся голосом воскликнул Салабинь. – Он у Тереховых!

Прямо с вокзала Ростислав направил стопы туда, где всё ему было памятно и знакомо. Новый адрес отца и сестры он себе никак не представлял, а спрашивать чужих людей не стал... Людей он ещё дичился. Но была ещё причина, главная: он отправился к дёвушке, которая должна была его ждать, однако... не дождалась – и «закрутила» с другим.

Застывший взор Ростислава не позволил соседке в чём-либо перечить ему; не меньше поразил он и отца. Геннадий относил отрешённость сына исключительно на кавказский опыт, но расспросы отскакивали от парня как от стёнки гороха.

Немного оттаяв, он кратко доложил, что из Моздока их перебросили в Гудермес, в боях он не участвовал, стоял в кордонах, стреляя сослужу на звук, потому что без очков никого не видел, а ранение получил одно – и лёгкое, когда в палатке, под ящиками, застланными матрацами и ватниками, «ни с того ни с сего» взорвалась граната.

Всё прочее, произошедшее в тот день, когда вернулся Ростик, из памяти Салабина-старшего улетучилось. Наутро сын отправился к матери, с которой был соединён по решению суда. Очевидно, он с Кавказа писал и матери, но так как письма из Чечни не доходили, то Наталья, как выяснилось впоследствии, пребывала в благополучном невведении о чеченской «командировке» сына.

К той поре, когда Ростик вернулся с Кавказа, агентская контора, где трудился Салабинь, дважды переучредилась – и влилась, всецело подконтрольная партнёрам Лёне Воденко и Саше Смиркину, в их же компанию «Водо-Меркурь».

Новые частные компании учреждались на площадях государственных предприятий, использовали оборудование и каналы связи этих предприятий – и за их счёт, потому что новыми «фирмами» владели прежние руководители либо их близкие родственники. Благополучно доведя госкомпанию до банкротства, новые компании, уже налившись кровью и обросши мясом, либо съёзжали, либо выкупали с потрохами помещения банкрота.

«Водо-Меркурь» располагался на шестом этаже административного корпуса знаменитого завода, когда-то строившего броненосцы и паровозы, а потом трактора для целинных земель. Что теперь производил завод, было неизвестно; газеты об этом не писали. По ощущениям Салабина, не производил он ничего.

Новые фирмы, в лице своих ликующих владельцев, подчёркнуто не жаловали «бесплатную медицину для народа» и заключали договора на оказание услуг с платными медицинскими центрами. Тем самым они воспитывали преданность кадров работодателей: лечение работника оплачивалось «фирмой» – сколько было необходимо, и только услуги стоматолога ограничивались определённой суммой за год.

Когда Салабинь оказался в составе «Водо-Меркура», то пациентом медицинского центра «Адмиралтейских верфей». Там и произошла встреча Геннадия Салабина с Ириной Анатольевной, ставшая, в его отношениях с прелестной половиной человечества, последним знаменательным событием.

За всё то время, что Геннадий кормил, одевал, воспитывал дочку, возил её в школу (благо, что

это было по пути на работу) и ко врачамъ, разыскивая въ то же время слѣдъ сына-солдата, надо признать, что онъ по-прежнему замѣчалъ и женщинъ, хотя эта способность вернулась къ нему не сразу.

Послѣ развода съ Натальей имъ завладѣло непонятное, пьянящее чувство, которому не было названія: онъ весь отдался заботамъ о дочкѣ и домашнимъ дѣламъ, оставляя всякіе помыслы о ненаписанныхъ повѣстяхъ и рассказахъ – тѣ самыя мысли, о которыхъ при Натальѣ почиталъ за благо помалкивать. Постепенно онъ осозналъ это какъ состояніе безопасности и свободы; приходилось, волей-неволей, признать, что Наталья воспринималась, пусть даже подсознательно, какъ угроза... Потому что его невозмутимое упрямство, цѣлеустремлённое молчаніе – тихо бѣсили Наталью. Нѣсколько вспышекъ Натальиной злобы – или негодованія? – вспоминались порой Салабину, когда приходилось отвѣчать на досужіе разспросы знакомыхъ о причинахъ развода.

Однако со временемъ, втянувшись въ ритмъ отца-одиночки, онъ сталъ находить свободныя силы на то, чтобы подумать о будущемъ. «Рыночная Россія» уже располагала къ этому: появились не только газеты брачныхъ и прочихъ объявленій, но уже наступала и заря так называемыхъ виртуальныхъ знакомствъ – въ Сѣти. (Правда, увидѣть на тротуарѣ трафаретное приглашеніе типа «Отдых. ХХХ-48-58 Маша» тогда было ещё немислимо. Но такого не позволяло и тогдашнее состояніе тротуаровъ: панели выглядѣли не лучше, чѣмъ похмѣльное Первое Лицо.)

– Ну это только ты такъ можешь! – выкрикнула, съ возмущённымъ хохотомъ, сослуживица Салабина и большая допытчица, когда онъ, припёртый ея допросомъ, проговорился не только о томъ, что влюблёнъ, но и о томъ, что влюбился онъ, сидя въ зубокабинетномъ креслѣ. Надо отдать ему должное – не въ стоматолога влюбился (это было бы ужъ крайнимъ извращеніемъ) – а въ дѣвушку-ассистентку. Это и была упомянутая Ирина Анатольевна.

* * *

Отецъ посѣщаетъ сына въ однокомнатной квартиркѣ, гдѣ сынъ прописанъ вмѣстѣ съ матерью, но проживаетъ одинъ. Ростикъ, должно быть, уже потихоньку отходитъ отъ того удара, что получилъ отъ женскаго племени, но выглядить потеряннмъ по-прежнему и порой отвѣчаетъ невпопадъ. Повидался и съ матерью, и съ ея новымъ мужемъ, тоже разведённымъ дядькой – скорѣе, даже парнемъ, «онъ тя моложе, папа», но въ прежнемъ бракѣ парню, какъ выразился Ростикъ, «крупно не повезло».

Салабинъ не сталъ любопытствовать. Его больше интересуютъ сыновьи планы.

Сынъ задумался, покраснѣлъ, засопѣлъ, глаза увлажнились; объявилъ, что могъ бы законтрактиться и снова поѣхать на Кавказъ.

– Съ твоимъ астигматизмомъ? – нарочито дѣловымъ, спокойнымъ тономъ спросилъ отецъ. – Кстати, почему ты безъ очковъ?

– Ещё новыхъ не заказал.

– Денегъ нѣтъ? Я дамъ.

– Пока не надо, – отвѣтилъ Ростикъ. И задумался, забывъ сказать «спасибо».

– Тебѣ надо въ вечернюю школу идти, аттестатъ получить, а тамъ уже рѣшай какъ знаешь: учиться дальше, работать или служить.

Ростикъ кивнулъ. Онъ вышелъ проводить отца и «заодно въ магазинъ». Голодное начало девяностыхъ какъ будто отступило, но скудость жизни большинства ещё оскорбляла глазъ. Геннадій расплачивается за покупки сына и берётъ съ него обѣщаніе, что тотъ станетъ учиться.

– Я, навѣрно, въ милицію поступлю, – говоритъ Ростиславъ. – И въ вечернюю школу тоже. Я уже думалъ.

У Салабина какъ гора съ плечъ свалилась. Онъ боялся, что Ростикъ сдѣлаетъ какую-нибудь глупость послѣ своей сердечной неудачи.

А онъ-таки сдѣлалъ... Черезъ недѣлю-другую напился и вышелъ на балконъ съ пистолетомъ популять въ бѣлый свѣтъ, да и въ тёмную землю тоже. Пострадала прохожая тѣтка: отрикошетившей пулей пробило ей сапогъ и поцарапало икру, былъ крикъ, былъ нарядъ милиции и дальнѣйшія событія, о которыхъ Салабинъ узналъ по ихъ окончанію.

Къ чести Натальи и ея новаго мужа, они постарались спасти Ростислава отъ суда: парень довольно скоро переѣхалъ в коммунальную квартиру, а средства, вырученныя при обмѣнѣ, ушли на умасливаніе пострадавшей, дабы та отказалась отъ судебныхъ дѣйствій.

Так Наталья оказалась без собственного жилья и попала в зависимость от мужа, свекрови и свёкра.

Отец навещал сына по новому месту жительства. Его соседи, слава Богу, люди были спокойные, среди них молодая пара. Сын стал искать утешения в своей давней страсти к рыбалке, но теперь по-серьёзному – с приятелями стал вздирать на подлёдный лов. Пойманных окуньков и красноперок, а то и щук, он отдавал старушкам по соседству, кто держал кошачьих; так он приобретал известность в околотке, чему способствовала и форма милиционера; к следующей весне он заметил яркую девушку Ольгу с соседней улицы, а вскоре и Салабин увидел у сына фотографию симпатичной брюнетки. Ростик, как бы между делом, сообщил, что родители Татьяны считают его удачным кандидатом для дочери: не пьёт, не курит, пристроен, имеет перспективу, учится. Трудно понять саму Ольгу: девушка достаточно капризная.

С матерью Ростик виделся редко: ей было не до прошлой жизни. Тем охотнее сын делался с отцом.

* * *

Итак, промежуточные итоги Салабина: дождался сына; дочка – с ним; издан сборничек рассказов; съехали с Марусей в коммуналку, но есть работа, позволяющая надеяться, что со временем он сможет и квартиру купить – на вторичном рынке.

А что до устремлений литературных, то местные писатели согласились признать Салабина своим коллегой, снабдили его книжку выпиской из протокола и отправили в Москву, в центральную приёмную комиссию, дабы утвердили его в этом качестве. Но это совсем другая тема, нас она не слишком интересует. Впрочем, и Салабин думал, что теперь эффект уже не тот: прежде было нормой «принимать в писатели» по выходу двух или более книг

– Не скажи! – возразил ему Евгений Васильевич Кутузов, тогдашний предводитель русских писателей города. – Такой книжки, как твоя, одной достаточно. Ты же её не написал – родил! Видно всё по датам рассказов!...

Писательский билет пришёл из Москвы как раз к разводу. Свобода! – пиши не хочу. «Не хочу», – отвечал свободный Салабин. На руках была дочка, а в армии – ещё не найденный сын. Потом вернулся сын – но попрежнему невёсть куда летела вся страна. И Салабин не стал раздумывать между реализмом и набирающим наглость поц-модернизмом, а сделал решительный разворот в сторону злободневной публицистики.

* * *

Впоследствии Салабин не раз говорил Красову и Рославлеву, что в своём писательстве гнушался делать героем своей прозы представителя писательского цеха, считая это линией наименьшего сопротивления. И потом – почему не писать о нормальных людях? – с простодушным видом удивлялся он. Другое дело – автобиографические тексты, здесь автор не имеет права на вымысел, поскольку пишет о себе самом: врать нельзя, но можно промолчать. Не потому ли многие классики ограничивались собственными детством и юностью?.. В частности, второй и третий Толстые... Хотя причиной могла быть и скромность, как у Чехова, – но тогда и детство-юность описывать не станешь.

Автобиографическая проза может быть увлекательным и познавательным чтением – тот же Горький хотя бы... Но не довёл пролетарский писатель свою исповедь до усыновления им родного братца Янкеля Свердлова, не открылся нам – зачем и почему. Как бы то ни было, автобиографические писания имеют право на существование, но беллетристу делать героем писателя N* – развёт не лукавство, развёт не попытка, в глазах читателя, надеть золочёную маску?

Зато публицистика – священная обязанность писателя во все времена. Только равнодушные гнушаются ею. Либо трусы...

В 90-е и «нулевые» годы страна оценивала установившийся режим как изменчивый и продажный. Ропот в народ не ослабевал, но выхода ему не было. Возникали национальные русские организации, с которыми успешно боролись власти: где компроматом, где провоцируя на незаконие, а где и через внезапные перемены в законе – применяя их как имеющие обратную силу. Самым удачным для властей был способ «возглавить, чтобы обезвредить»... Генерал

упразднённого КГБ возглавил «Русский национальный собор», разваленный, согласно мудрому руководству, меньше чем за год. Через несколько лет был Церковью образован Всероссийский Народный Собор, который уже не мог развалиться по определению, да и грозить властям не мог и не собирався: власть сама насытила сей Собор своими лучшими представителями. А «Русское национальное единство» было затоптано за несколько лет.

Но свобода создания «партий» сохранялась, и многие люди, не обременённые ни властью, ни памятью истории, восприняли это на свой счёт, продолжая верить в партийный путь к спасению страны. Возникали партии с самыми возвышенными названиями, как «Святая Русь», возрождались исторически прославленные наименования, как «Союз русского народа» (он же «чёрная сотня», то есть люди от чёрной земли)... Но такие партии имели краткий век по целой совокупности причин – по отсутствию средств, карьеризму и себялюбию руководителей, из-за препон законодательных, из-за интриг подосланных людей. Если организация оказывалась вдруг твердыней, сплочённой вокруг неподкупного вождя, то его вождь внезапно отдавал Богу душу, едва успев перед кончиной раз или два причаститься Христовых Тайн, а дальше происходило плановое, ожидаемое: интрига и раскол.

На этом фоне публицистика цвела буйным разноцветьем. Она затягивала людей самых разных слоёв, возрастов и профессий – только с противной стороны она была выгодно оплаченной работой, а с другой – безкорыстным делом одиноких либо соединённых в мёртвые редакции энтузиастов.

Геннадий Салабин отдал публицистикой десять лет. Поочерёдно побывав за это время в рядах нескольких партий, он пришёл к очень важному выводу, о котором извёстил читателей всеми ему доступными средствами: политические партии – это для России губительная чума; именно с них началось распадение государства; спасение может прийти только через испытанный Историей отечественный инструмент – Земский Собор. Поэтому любая партия может быть только временным образованием (в силу требований драконовского закона), но подчинять свою деятельность должна задачам созыва такого объединительного, спасительного Собора Всея Земли. В таком Соборе может и должна быть представлена и Церковь – как индивидуально, так и соборно, но лучше всего – снизу.

В этом убеждении Салабин оставался до конца своих дней; даже отойдя от постоянного участия в политической полемике, он не проходил мимо всякого удобного случая эту точку зрения объяснить и отстаивать.

Но мы помним, что за эти десять лет дочка у Салабина-отца должна превратиться из третьеклассницы в зрелую девушку, а сам он, после ряда перипетий, должен был остепениться, «скупить статью в желаньях» и обрести ценную для себя дружбу Красова и Рославлева.

Трое в одной лодке... Не считая роковой спутницы Ирины Анатольевны.

* * *

Начертание 1991 года Салабин ощущал, интуитивно, как водораздел, конец и начало: черту – проведённую через судьбы невёдомо кем, или вёдомо – Кем... как иносказание, как отражённый цифрами портрет двулика Януса.

Впрочем, тогда ещё мало кто знал и говорил о Цифре, об оцифровании человеческого знания и тем меньше – об оцифровке человеческих душ. Но таинственную связь между начертанием «1991» и фигурой новоявленного президента СССР – безработный Салабин осязала почти физически. Интернет ещё не конкурировал с телевидением, зато число телеканалов быстро возрастало... Однако только кабельное ТВ распространяло видеоклип «Райка в раю» (то бишь в бутиках на Западе) – и то не по кабельной сети, а строго из-под полы. Комитет господской безопасности носился в лихорадке по городу, выслеживая эти незаконные *транзакции* (одно из слов, вошедших в лексикон чиновников и журналистов), а Салабин вспоминал французскую поговорку – *Cherchez la femme* – и не знал, на которой остановиться: на Раисе или на Маргарите.

Липовый путч умывшего руки Горбачёва открыл дорогу более наглому и решительному Бонину Николаевичу – и страна помертвела от разрыва сознания. А когда, попустительством водворённого в прежнее кресло Горби, произошло бжевежское беззаконие, Геннадий похолодел от

предчувствія, вспомнив сразу всё: и сестру-кіевлянку, и несбывшіяся планы побывать въ Крыму и повидать Молдавію... или наоборотъ: Крымъ повидать, а побывать въ Молдавіи, распѣвающей дойны*...

Удивляло – и даже претило ему, что «молодые литераторы» въ Домѣ писателя мало чувствовали всё происходящее: какъ ни въ чёмъ не бывало обсуждали ученическіе опусы другъ друга и отъ души прикладывались къ флягѣ съ самогономъ, неизмѣнно приносимой къмъ-нибудь изъ младшихъ начинающихъ.

А пріятели изъ пароходства передавали тогда ещё бродячему репетитору Салабину, что заѣзжіе европейцы очень обезпокоены російской нестабильностью. Ещё бы имъ не безпокоиться! Западъ задолго до Альфреда Нобеля научился богатѣть въ облапошенной Россіи...

Въ слѣдующемъ году Домъ писателя посѣтила группа студентовъ изъ Франціи, вдругъ пожелавшихъ встрѣчи «съ молодыми русскими литераторами». Почти всѣ въ группѣ, съ разной успѣшностью, изучали русскій языкъ, а одна изъ нихъ, Франсуаза, безъ пяти минутъ преподаватель родного французскаго, ещё интересовалась и русскою поэзіей. Салабинъ и увязавшійся за нимъ младшій коллега Сергѣй продолжили общеніе съ гостями и гостями въ ихъ временномъ общежитіи на Казанской. Сергѣй разсматривалъ Салабина какъ переводчика, а Салабинъ Сергѣя какъ третьяго лишняго, но Сергѣй пригласилъ Франсуазу на свой день рожденія – и приглашеніе было принято, а Салабинъ былъ приглашёнъ ещё раньше: ситуація складывалась любопытная.

И вотъ тамъ, на Казанской, глядя въ чѣрные глаза очаровательной Франсуазы, въ отвѣтъ на чѣй-то вопросъ Салабинъ неожиданно выпалилъ, что на Россію надвигается 93-й годъ. Всѣ поняли, что это намѣкъ на романъ Виктора Гюго, вѣдь онъ съ такимъ чувствомъ, холодѣя внутри, произнёсъ «катрованъ-трэзъ», что лицо у дѣвушки тревожно вытянулось.

– Всё такъ серьёзно? – спросила она.

Геннадій приложилъ пятерню къ своей груди и молча склонилъ голову.

Тутъ же была и Селестина со своимъ дружкомъ-англичаниномъ, который въ Домѣ писателя спрашивалъ Салабина, не грозитъ ли русскому языку судьба покойницы-латыни. Вѣроятно, эту тему Кевинъ, не изучавшій русскаго языка, и его подружка, этотъ языкъ изучавшая, постоянно обсуждали.

По пути на Казанскую Салабинъ сообщилъ французенкамъ о такомъ интересѣ Кевина – южанкѣ Франсуазѣ и бретонкѣ Гаэле.

Бретонка удивилась:

– Mais les russes, ne sont-ils pas nombreux, quand-même⁵?

Англичанину же отвѣтъ его былъ сухъ и коротокъ:

– I should not think so.

Онъ не сталъ развивать тему собственныхъ наблюдений – о томъ, что англійскій, въ силу своей международности, подвергается неизбѣжной и непрерывной эрозии.

Франсуаза, фанатѣвшая отъ стихотворныхъ лѣсенокъ Маяковского, спросила, «кто сейчасъ первый поэтъ Россіи». Сергѣй, физикъ по профессіи и фанатикъ своей собственной прозы, съ отвѣтомъ замѣшкался, а Салабинъ назвалъ Юрія Кузнецова – и, желая сдѣлать засѣчку въ памяти у Франсуазы (и, по возможности, отвлечь её отъ Маяковского), добавилъ:

– ...Написавшій стихи, какъ онъ «пилъ изъ черепа отца...»

Однако эти слова потонули въ какомъ-то смѣхѣ Селестины, шептавшейся съ Кевиномъ.

Забѣгая вперёдъ, скажемъ, что влюбленность Салабина въ Франсуазу пережила 93-й годъ и ельцинскіе перевыборы въ 96-мъ. Въ 1995 году, уже возвращённый въ пароходство, онъ выслалъ ей свой сборничекъ рассказовъ, а Франсуаза отвѣтила сборникомъ Аполлинэра.

О своихъ чувствахъ онъ не заикался: въ 92-мъ ему мѣшала совѣсть сѣмьянина, а въ 95-мъ – осознаніе своей нищеты и неспособности поддерживать связь даже по телефону. Послѣдней причиной, но всё-таки причиной, было то, что Салабину въ годъ рожденія Франсуазы было ровно столько же, сколько ей къ моменту ихъ встрѣчи. Но жадная память запомнила, какъ обычно отвѣчала Франсуаза, когда онъ предлагалъ ей время и мѣсто встрѣчи:

– Entendu⁶.

Ещё далѣе вперёдъ, упомянемъ, что съ развитіемъ интернета Салабинъ смогъ выяснитъ удалѣнную траекторію Франсуазы: черезъ двадцать лѣтъ она защитила докторскую диссертацию на при-

⁵ Но разве русскихъ не достаточно много? (фр.)

⁶ Хорошо. Поняла. (фр.)

чудливую тему, гдѣ сопрягались имена Маяковского, Сендрара и Аполлинэра. И ещё въ какомъ-то обращеніи къ учёной тусовкѣ она благодарила своего супруга-филолога за оказанную ей помощь въ работѣ. Такъ что – Маяковскому съ ней больше повезло? Не будемъ торопиться съ выводами...

* * *

Въ 1993 году иностранные гости пароходства, выпивая съ бывшими сослуживцами Салабина, выражались ещё болѣе категорично, чѣмъ два года назадъ: разстрѣль парламента – это безусловно государственный переворотъ. Точка! Prosit*!

Жуть, кровь и гарь произошедшаго долго витали въ воздухѣ и тлѣли въ людяхъ, медленно выходя изъ памяти, дыханія и слуха, но осѣдая въ печени, выступая на кожѣ пятнами...

Телевидѣніе рукоплескало перемѣнамъ и внедряло передовыя інформаціонныя технологіи, заимствуя множество заокеанскихъ шаблоновъ и сценаріевъ. Люди, обладавшіе интуиціей, искали выходъ или хотя бѣ единомышленниковъ въ интернетѣ. Гласность, о которой пѣли трели горбачѣвцы, смѣнилась безстыдствомъ и соотвѣтствующимъ обновленіемъ словаря. Дѣти вслѣдъ за телевизоромъ учились говорить *сексуальное платье* – въ смыслѣ: красивое, и *откровенный нарядъ*, что означало «безстыдный». Культурныя традиціи уходили въ резерваціи. Политическое сознаніе ещё бурлило в пробиркахъ типа дискуссионнаго клуба «Русская мысль» и выплѣскивалось на страницы малотиражныхъ газетъ, время отъ времени запрещаемыхъ, мѣняющихъ названіе и неизбѣжно снова закрываемыхъ, когда тиражъ ихъ начиналъ возрастать.

* * *

Медикамъ хорошо извѣстно, что сильный стрессъ сказывается, среди прочаго, на состояніи зубовъ. У Салабина выпали одна за другой двѣ пломбы – и онъ отправился въ медицинскій центръ «Адмиралтейскихъ верфей», съ которымъ у «Новыхъ агентовъ» былъ договоръ.

Ирина Анатольевна завладѣла его сознаниемъ и, пожалуй, сердцемъ, подаривъ ему немалое отвлеченіе отъ мерзостей политики. После рабочаго дня Ирина спокойно позволила ему проводить её домой; дочка Маруся была въ загородномъ дѣтскомъ лагерѣ; день былъ ясный и предстояла волнующе неблизняя дорога отъ устья Фонтанки въ самый конецъ предлинной улицы Ленсовета, до «Звѣздной» станціи метро.

Под землѣй ихъ путешествіе продлилось не столь долго, какъ могло бы длиться въ автобусѣ; это уже дома онъ высмотрѣлъ на картѣ улицу Ленсовета, о которой до того момента не имѣлъ никакого представленія. Зачарованно слѣдя, какъ тянется эта улица черезъ полгорода, да ещё съ изломомъ на половинѣ длины, онъ подумалъ, что столь несуразное имя не дѣлаетъ ей чести, а хорошо бы назвать её именемъ академика-хирурга и долгожителя Фѣдора Углова, чей портрет, въ советскихъ и заграничныхъ орденахъ, онъ видѣлъ недавно в газетѣ. Хирургъ продолжалъ оперировать въ возрастѣ девяноста съ лишкомъ лѣтъ. Тогда длина улицы оправдалась бы долгою дней академика.

Второю мыслью Салабина было воспоминаніе о давней командировкѣ во Францію: въ Парижѣ почти любой изломъ длинной улицы можетъ имѣть новое названіе – столь много у нихъ почитаемыхъ имёнъ; славныхъ много и у насъ, но почитаемъ почему-то не всѣхъ, или просто не тѣхъ... У французовъ даже стометровый переулочекъ, не имѣющій ни одного строенія, носить, тѣмъ не менѣе, имя актёра Жерара Филиппа.

Ирина была чѣмъ-то похожа на героиню «Пармской обители», въ которую влюбился Фабриціо, сыгранный Жераромъ...

Да, дочка была въ лѣтнемъ лагере, и Салабинъ предался безъ помѣхъ воспоминаніямъ объ истекшихъ суткахъ...

Мнѣ долго счастье чуждо было.
Мнѣ ново наслаждаться имъ
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно всё, что мило.

А.С. Пушкинъ. *Гречанкѣ*

Войны, революціи, преступления людей и произволь властей, врачебныя, судебныя ошибки – всё это понятно, всё объяснимо. Макроявленія, при всей ихъ грандіозности, на самомъ дѣлѣ

представляют собою простыя рѣшенія; когда переполняется чаша Всевышняго Терпѣнія – то изливается Гнѣвъ Господень, настигая кого въ чёмъ застаётъ. Но столкновение и попытка сочетанія двухъ микрокосмовъ являютъ собой задачу, арифметически не рѣшаемую. Для двухъ психическихъ атомовъ – всё непредсказуемо, всё загадочно и таинственно, хотя для вышнихъ – не можетъ тайны быть и тутъ, при томъ что психическій атомъ въ теченіе жизни измѣняется; онъ подверженъ воздѣйствію множества видимыхъ и невидимыхъ, тѣмныхъ и свѣтлыхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ силъ.

Преждѣ чѣмъ примѣнить къ себѣ своё гуманитарное образованіе, Геннадій Салабинъ далеко перешагнулъ пятидесятилетній рубежъ. Оглянувшись на свою личную исторію, онъ вдругъ увидѣлъ, что его любовное поведеніе не имѣло къ современности никакого отношенія: оно принадлежало средневѣковью... и, можетъ, въ малой степени – античности (при этомъ вспомнились стихи Алкея къ Сапфо: о томъ, что онъ испытываетъ къ ней чувства, въ которыхъ не смѣетъ признаться). Отвѣтъ Сапфо былъ строгъ – но могъ быть понятъ и какъ поощреніе: не будь твои желанія нескромны, ты бы легко признался въ нихъ!

Средневѣковый же влюблённый былъ другимъ: блѣдный измученный призракъ съ лихорадочнымъ взоромъ, лелѣющій молча сердечную рану. Этотъ образъ изъ лекціи профессора въ университетѣ освѣтилъ потѣмки салабинской жизни: эге, братъ, да ты – придурокъ изъ средневѣковья, покинувшій античность – и не прибавившійся къ Возрожденію; къ тому самому, которое историки-искусствовѣды величаютъ съ прописной буквы – умалчивая, что возрождалось-таки языческое отношеніе ко всему окружающему и къ себѣ какъ центру всѣхъ вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ сильнѣе влюблялся Салабинъ, тѣмъ болѣе средневековымъ типомъ онъ выглядѣлъ. Таковъ былъ его психосоматическій изъянъ. «А я-то голову ломалъ: что за проклятіе такое?» – воскликнулъ Салабинъ, разрѣшивъ загадку своей почти уже пройденной жизни.

Объяснились всѣ его поражения и утраты, главной изъ которыхъ ощущалась Ирина Анатольевна. Его ещё не постигъ вопросъ, за что и для чего эти утраты ему дарованы.

Сейчасъ ему нѣтъ ещё пятидесяти, онъ только что пережилъ необычныя для себя сутки своей жизни – и хочетъ снова ихъ пережить, хотя бы мысленно.

...Выйдя изъ метро, Геннадій съ Ириной вскорѣ оказались въ зелёномъ пространствѣ между жилыми домами, похожемъ на скверъ съ дѣтской площадкой. Она мановеніемъ руки показала на скамью – и они усѣлись, продолжая свою бесѣду.

По правдѣ говоря, бесѣды-то и не было. Больше говорить приходилось Салабину, поскольку это онъ былъ стороной, навязавшей своё общество, и приходилось оправдывать своё пребываніе рядомъ съ этимъ существомъ, столь его интересующимъ.

Изъ учётной медицинской карты Салабина Ирина опредѣлённо знала, кто онъ и откуда, развѣ что ей были неизвѣстны его обязанности и полномочія, поэтому Геннадій вкратцѣ объяснилъ ей, чѣмъ занималось ихъ агентство, за что отвѣчалъ онъ самъ, а Ирина спросила объ одномъ ихъ диспетчерѣ, Сергѣе, которого обозвала конкретнымъ идиотомъ – за то, что онъ записывается на приёмъ и сплошь и рядомъ не приходитъ.

– У него работа такая, – извиняющимся тономъ пояснилъ Геннадій, – въ порту постоянно случаются заморочки съ пароходами, и онъ остаётся разгребать чужую забывчивость и разгильдяйство... Такая доля у парходнаго агента.

– Всё равно! – отвѣтила Ирина. – Намъ отъ этого не легче! Нельзя же постоянно...

Геннадій теребилъ въ рукахъ какую-то газету, и это мельтешеніе заставило её спросить:

– Что это у васъ?

Возможно, её вопросъ былъ медицинскимъ и касался діагноза: что это с вами? – но Геннадій по-нялъ его буквально и доложилъ, что это патріотическая газета, которую онъ иногда покупаетъ.

– Я газетъ не читаю! – съ вызовомъ отвѣтила Ира.

– Навѣрное, вы правы, – сказала Геннадій. – Во всякомъ случаѣ, эта газета продается только въ одной точкѣ на весь городъ.

Поколебавшись, онъ всё-таки спросилъ:

– А книги вы читаете?

– По специальности читаю. Стефана Цвейга тоже... Потомъ Булгакова...

– Я могу вамъ свою книгу подарить. Хотя я точно не Цвейг, но немного Булгаковъ...

Она картинно отстранилась и посмотрѣла на него изъ-подъ руки. Затѣмъ отвернулась и произнесла:

– Ну, давайте.

– Я съ собой не возьму. Надѣюсь, мы ещё увидимся?

Она размѣялась:

– Конечно! Въ четвергъ, въ стоматологіи.

«Она помнитъ, когда я приду на приёмъ!» – благодарно подумалъ Геннадій.

– Намъ пора! – сказала Ира.

Геннадій безропотно поднялся. Они вышли на улицу Звѣздную и пошли въ сторону закатнаго неба, миновали станцію метро, изъ которой недавно вышли, и пошли на сѣверо-западъ по неизвѣстной улицѣ. Салабинъ прочёлъ на табличкѣ: «улица Ленсовета».

День стоялъ погожий и цвѣтной, какъ арбузная корка на тѣмномъ столѣ старой дачи, и воздухъ совсѣмъ не пахнулъ городомъ.

– Скоро Ирочка въ отпускъ поѣдетъ! – со вздохомъ накопившейся усталости объявила Ира.

– Какъ скоро? И далеко?

– Въ Крымъ пригласили. И дочка уже там.

– Завидую, – признался Салабинъ. – Расскажите про дочку...

Дочка Ирины перешла на второй курсъ Финэка, то есть финансово-экономическаго...

– А моя – въ лагеръ на Карельскомъ перешейкѣ.

– Навѣщаете? – строго обернулась къ нему Ирина.

– А какъ же!

Они снова повернули вглубь квартала и пошли уже между домами, по затѣненной дорожкѣ раскрекавшегося асфальта.

– Вы не отвѣтили, когда отъѣзжаете! – напомнилъ онъ.

– Въ субботу.

– Такъ скоро?

– Дожить ещё надо! – вздохнула она. «Попробуй тутъ возразить!..» – подумалъ Салабинъ.

Быль, конечно, августъ – мѣсяцъ, нагруженный исторіями, урожаемъ, катастрофами, и по краямъ ихъ асфальтовой дорожки уже созрѣвала черноплодка – у куста Ирина остановилась, взяла ягоду, сверкавшую даже въ тѣни, и взяла её въ губы, глядя синими глазами на Геннадія. Онъ потянулся къ ягодѣ той, а она триумфально исчезла подъ алой аркой – и онъ выдохнулъ: ахъ, поздно! – а Ира возразила: нѣтъ, рано!

Онъ взялъ её за руку и такъ постоялъ, сжимая кисть ея и переживая красоту ея отвѣта.

Ирина пошевелила рукой, высвободилась, и они пошли какъ ни въ чёмъ не бывало, но у него брнчало въ душѣ: какъ бы не такъ!.. о, какъ бы не такъ! Какъ въ пѣснѣ, памятной, совсѣмъ недавно популярной, молчаніе становилось обѣщаніемъ, кровообращеніе въ природѣ участилось – никакъ не мѣшая, однако, звучанію той пѣсни о русскомъ полѣ и его отдѣльномъ колоскѣ.

Тутъ Ирина посмотрѣла на скамейку:

– Давай покуримъ!

«Ахъ! – дрогнуло въ Салабинѣ. – Курилка... А всё равно, всё равно, всё равно – ненаглядная...»

Они присѣли, она изъ сумочки достала пачку сигаретъ и зажигалку.

– Мнѣ оставишь? – неожиданно для обоихъ, сказалъ онъ ей. – Затяжку, двѣ...

– Послѣднія затяжки – самыя вредныя... А если ты не куришь, то зачѣмъ?.. Ну ладно, ты тогда зажди...

Она протянула ему зажигалку и тонкую сигарету, онъ зажѣгъ её, не закашлявшись, затянулся и выпустилъ дымъ – Ирина отняла сигарету:

– Ну, до чего смѣшно!.. Сразу видно, что не курильщикъ. Тебѣ и не надо, понялъ?

– Ага.

Она курила, глядя въ его сторону сквозь лёгкія облака дыма, а онъ рядомъ сидѣлъ съ надрѣвающимъ сердцемъ.

Когда встали и пошли, онъ молчалъ на протяженіи полукилометра дорожекъ и поворотовъ, взглядывая на чистый профиль Ирины, а она по-своему, искоса, посматривала на него. Такъ онъ молчалъ, пока вдругъ не услышалъ:

– Ну вот, мы и пришли!

Онъ встрѣтилъ ея взгляды и продолжалъ молчать, не уклоняясь отъ сыпавшихся камешковъ прошлого, пока шли они къ железно-коричневой стальной бронеплитѣ, преграждавшей входъ въ ея подъѣздъ. «Неизбѣжность страннаго міра, неизбѣжность страннаго міра», – вертѣлось у него въ головѣ и онъ вспомнилъ, что это названіе книги, которую совѣтовалъ классу ихъ учитель физики, обращаясь въ первую очередь къ отличникамъ, способнымъ увлечься тайнами атома, надѣясь на Салабина въ томъ числѣ...

Неизбежность странныхъ совпаденій не замедлила проявиться. Номеръ коммуналки Салабина былъ 64, а на дверяхъ Ирины было 46. Онъ рѣшилъ, что это совпаденіе. Завтра онъ будетъ записывать ея телефонъ – и въ нёмъ тоже найдѣтъ совпаденіе чего-то съ чѣмъ-то, ещё не ясное вполне: 126-1-126. Войдя въ квартиру, онъ поразился ея медицинской чистотѣ, особенно порядку въ кухнѣ, затѣмъ Ира прошла въ дальнюю комнату – это была спальня – и проверила на прикроватномъ телефонѣ пропущенные звонки. Такіе аппараты были ещё редкостью, у Салабина въ коммуналкѣ такого и подавно быть не могло.

– Ничего нѣтъ важнаго, – нараспѣвъ произнесла Ира и направилась изъ спальни вонъ.

Изъ этого Геннадій могъ бы заключить о своей относительной важности, однако онъ, не сводившій съ Ирины глазъ, едва ли могъ её слышать.

Она провела его въ ближнюю комнату, поменьше, и указала на крѣсло:

– Сядь сюда и не ходи за мной. Газету почитай. Ну, или телевизоръ включи.

Вскорѣ изъ кухни послышалось весёлое звяканье металла и посуды.

Ужинъ ихъ тоже оказался чудеснымъ «совпаденьемъ»: тѣртая свѣкла, политая сметаной, творожная запеканка – что у него, то у неё.

Новый камешекъ воспоминаній упалъ ему на грудь – поговорка покойной матери: «Гдѣ сердце лежитъ – туда глазъ бѣжитъ!». Дума его, когда онъ смотрѣлъ на Иру, заключалась въ одномъ словѣ: ненаглядная! И вѣдь чудесное это слово есть только у насъ, въ нашемъ языкѣ, но это продолженіе думы пришло уже назавтра, когда онъ былъ одинъ.

Больше нигдѣ однимъ словомъ этого не выразить, говорилъ онъ себѣ, вспоминая эту минуту: прочимъ народамъ понадобится цѣлое предложеніе...

Чѣмъ дольше онъ говорилъ, отвѣчая ея требованіямъ, тѣмъ больше превращался въ электрическое реле напряжённаго ожиданія, потому что не за горами было время, когда вот-вотъ закроется метро.

Ирина почувствовала, что онъ почти всё сказалъ и стала уже заговариваться; тогда встала, порылась у себя какъ бы на книжной полкѣ (оказалось: среди видеофильмовъ) и поставила на просмотръ одну изъ кассетъ.

– Ну, съ тобой всё понятно!.. А вотъ тебѣ моя теперъ жизнь!

Это прозвучало слегка крикливо, какъ у конферансье со сцены.

На экране появились кадры травяного лѣтнаго поля и неба съ фигурками парашютистовъ.

– Это нашъ гатчинскій аэроклубъ!

– Ты парашютистка? – спросилъ восторженный Салабинъ. – Лѣтчица?..

– Была, – отвѣтила она неопредѣленно, не уточняя, кѣмъ же она была. – Ты смотри пока.

Общій планъ смѣнился ближними кадрами и навстрѣчу Салабину направился рослый мужикъ съ рыжей щетиной на щекахъ и косою улыбкой курильщика. Тутъ онъ ухмыльнулся шире и подмигнулъ...

– Съёмка твоя? – не скрывъ безпокойства, спросилъ Ирину Салабинъ. Улыбка у мужика была невыносимо хозяйской...

– Моя...

«Вотъ это громила! – подумалъ Салабинъ. – Такому требуется двойной парашют!»

Послѣ прыжковъ съ неба и тренировочной укладки парашютовъ пошли сцены тёплой компаніи у костра подъ гитару... На заднемъ планѣ лоснились бока иномарки-внедорожника. Ира сказала, что этой машины больше нѣтъ: разбитая стоитъ въ гаражѣ ея отца, а разбилъ не кто иной, какъ мордоротъ Серѣга (недружелюбный эпитетъ мысленно добавилъ, разумѣется, Геннадій).

– Совершенно невмѣняемый человекъ! – съ жалобнымъ выраженіемъ лица сказала ему Ира, а Салабину померещилось восхищеніе на этомъ лицѣ.

– Такъ это его была машина – или ваша?

– Отцовская! – и теперь на лицѣ, точно, восхищеніе.

А должно быть отецъ её очень любить!.. Да и какъ не любить?

– Ну, вотъ! – ты теперь жизнь мою знаешь! И ничего общаго съ вашимъ моремъ – только съ пляжемъ!

– Да, я вижу! – кивнулъ Салабинъ.

И въ самомъ дѣлѣ начинало что-то брезжить: метро уже закрылось накрѣпко, а такси не вошло ещё въ норму жизни горожанъ – даже имѣющихъ твёрдый заработокъ.

Ира вытащила альбомъ семейныхъ фотографій, за альбомомъ съ полки упалъ конвертъ, набитый открытками, и она перебирала ихъ, пока Геннадій просматривалъ фото Иры въ разные годы, съ родителями и безъ.

– Вотъ, смотри... – сказала она и стала вслухъ читать открытку отъ бывшаго мужа къ ея дню рожденія.

– Это онъ мужемъ такимъ былъ? – подивился Геннадій нѣжному многословію мужика.

– Уже бывшимъ!.. Это онъ уже потомъ на слова не скупился! – нотка то ли злорадства, то ли сожаленія прозвучала въ ея голосѣ.

И толкнула ему стопку открытокъ: – На, смотри!..

Онъ нашёлъ это страннымъ съ ея стороны, но съ вниманіемъ просмотрѣлъ открытки, среди которыхъ были нѣсколько фотографій офицера въ чѣрной формѣ съ бѣлымъ кашне. «Вотъ тебѣ и море!»

Она постелила ему въ комнатѣ дочки, а сама ушла въ родительскую спальню. Черезъ какое-то время она прошла въ кухню покурить подъ вытяжкой; возвращаясь, сказала:

– Не спится что-то... Давай разговаривать!..

Утромъ она уѣзжала на дачу къ родителямъ и онъ провожалъ её къ электричкѣ. Голова его гудѣла какъ причальная тумба отъ волновыхъ ударовъ, глаза щипало отъ ослѣпительнаго блеска. Ирину тоже качало и солнечный блескъ ей, похоже, былъ не милъ. Когда подошла электричка, она торопливо, какъ бы вынужденно, ткнулась ему въ губы и побрела къ вагону.

У нихъ были ещё день-другой до ея отъѣзда, у него былъ ея телефонъ... Но онъ совсѣмъ не зналъ, чему вѣрить и о чёмъ онъ можетъ себя спрашивать.

* * *

Когда она объявила о своёмъ предстоящемъ отъѣздѣ къ дочкѣ въ Крымъ, Геннадій вызвался провожать её къ поѣзду. Но не тутъ-то было: её-де провожаютъ «двое молодыхъ людей», одинъ изъ которыхъ – принимающая сторона ихъ съ дочкой въ Крыму, а другой слишкомъ хорошо знакомъ съ Сергѣемъ, «котораго ты только что видѣлъ на дискѣ»: это будетъ «море крови»!

Человѣку свойственно сначала испугаться, а потомъ поразмыслить. Даже внезапный герой-спасатель бросается на помощь отъ испуга, что кто-то можетъ погибнуть у него на глазахъ.

Когда Салабинъ поразмыслилъ, то у него нашлись множество возраженій противъ мифическаго «моря крови», но Ирина упорно стояла на своёмъ. Согласилась только съ тѣмъ, что Геннадій проѣдется съ нею отъ дома до вокзала, но къ вагону, во избѣжаніе ненужнаго знакомства, не пойдѣтъ.

Её провожали двое сорокалѣтнихъ мужиковъ – вылитые горожане, которыхъ въ деревнѣ сразу опознали бы какъ дачниковъ, никогда не державшихъ лопаты. Они сопровождали двѣ-три картонки какой-то цѣнной рухляди, передаваемыя съ Ириной крымскимъ получателемъ...

Ирина-птичка щебетала съ ними, а Геннадій издали ждалъ-опасался невѣдомо чего. Наконецъ горожане усадили Иру съ картонками въ вагонъ и отбыли восвояси, а Геннадій-деревенщина не уходилъ, пока не тронулся поѣздъ.

Зато, съ обрѣтеніемъ воли, Салабинъ снова сталъ слѣдить за новостями и событіями, упражняя свою мышцу публициста.

Дважды въ недѣлю онъ ѣздилъ къ дочкѣ въ лагерь, а въ будніе вечера переписывался съ такими же, какъ самъ, активистами, рассылающими бюллетени о состояніи здоровья страны и предлагающими способы лѣченія.

(Продолжение романа в следующем номере журнала)